

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ОЛЕГ ДИВОВ • АНТОН ПЕРВУШИН •
ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО • СЕРГЕЙ ВОЛКОВ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Русская фантастика (Эксмо)

Олег Дивов

**Второе пришествие
землян (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Второе пришествие землян (сборник) / О. И. Дивов —
«Эксмо», 2017 — (Русская фантастика (Эксмо))

Сегодня космическая работа стала обыденностью. Отправка очередного экипажа на МКС не вызывает никакого ажиотажа, с куда большим интересом люди читают о курсе доллара, скандалах в семьях звезд и новых гаджетах. В школах больше не преподают астрономию, а недостаточная информационная поддержка орбитальных полетов приводит к тому, что люди просто не понимают, зачем вообще нужна космонавтика. В лучшем случае, осознают, что без спутников не будет телевидения и прогноза погоды. Айфоны и виртуальная реальность отняли у землян Марс и Венеру. В год 60-летнего юбилея первого спутника, фактически положившего начало Космической эре человечества, отечественные фантасты размышляют о том, как же вернуть интерес к космосу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дивов О. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Дмитрий Богущкий	7
Николай Немытов	27
Наталья Кушнир	38
Олег Дивов	46
Сергей Волков	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Второе пришествие землян (сборник)

© Дивов О., Первушин А., Филенко Е., Богущкий Д., Немытов Н., Кушнир Н., Волков С., Войников В., Духина Н., Градинар Д., Гелприн М., Ясинская М., Лебединская Ю., Трускиновская Д.,

Федотов Д., Вереснев И., 2017

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Предисловие

Нас ждут бездны открытий и мудрости. Будем жить, чтобы получить их и царствовать во Вселенной, подобно другим бессмертным.

Константин Эдуардович Циолковский

XX век – это не только история двух самых кровопролитных войн. В результате послевоенного противостояния сверхдержав ракеты, предназначенные для доставки ядерных зарядов, помогли человечеству начать освоение космического пространства. Но пламя космического мышления, которое позвало нас к звездам, зародилось еще раньше, и самые смелые умы всегда смотрели на космос не как на арену вооруженного противостояния, а как на бесконечное пространство, в котором люди смогут реализовать свой потенциал, обрести силу и величие. Перед лицом Вселенной мы – единое человечество с третьей планеты от Солнца, ведь далеким мирам все равно, что мы говорим на разных языках, носим разные флаги на шевронах и кожа у нас разных оттенков.

Сегодня входит в моду понятие «орбитальное мышление»: если смотреть на планету с орбиты, на ней не видно границ. Циолковский в начале прошлого века проектировал свои ракеты не для войны, а сегодня серьезные космические программы немыслимы без международного сотрудничества.

Сборник, который вы держите в руках, – переломный взгляд на будущее космонавтики. Здесь вы увидите миры и судьбы людей, которые оставили позади мысли о расправах, санкциях, забыли о предрассудках. Вы узнаете, что вид *homo sapiens*, рожденный в колыбели Земли, может и должен стать межпланетным. Это наша судьба, и вся Вселенная – наш общий дом. Наша Вселенная.

Так называется проект, который разрабатывает студия «Планета Людей». Выбрать это название нас вдохновил роман Сент-Экзюпери, посвященный первым авиаторам. Он по духу предвосхищает первые шаги человека в Космос. Ну, а «Наша Вселенная» – компьютерная игра с образовательным содержанием, путь космического агентства «КОРОНА», которому предстоит начать свою историю на Земле, на космодроме «Реплекс-Аква» и повести человечество вслед за мечтой.

В разработке игры «Наша Вселенная» нас поддерживают: летчик-космонавт СССР Сергей Крикалев, начальник летно-испытательного отдела РКК «Энергия» Марк Серов, руководитель Московского космического клуба Иван Моисеев, специалист ЦНИИМАШ Владимир Пинчук и многие другие люди, связанные с космической отраслью. Мы знаем, что все получится, и этот сборник – первая ласточка, первая ступень на пути возвращения интереса к космосу.

Читайте прекрасную фантастику о космонавтике сегодня, и завтра мы можем сделать так, что мечта станет реальностью.

*Сергей Чекмаев,
писатель-фантаст, сценарист, составитель сборника,
Алексей Борисов,
руководитель студии «Планета Людей»
(проект «Наша Вселенная» Realuniverse.ru)*

Дмитрий Богуцкий Орбита захоронения

Свой первый спутник я добыл еще в средней школе.

Я тогда валялся в реабилитационном центре, наглухо отлученный от Сети, восстанавливался после запущенной постигровой дистрофии и со скуки уже порядком повозился с многочисленной однорукой робототехникой, самодельными 3d-принтерами, коптерами с разным количеством двигателей и обвесом и прочим таким барахлом, что предлагали в мастерской реабилитационного центра. Концепция изготовления реальных объектов, а не их функциональных визуализаций, оказалась для меня на тот момент шокирующе свежей и прекрасной.

Помню, приехал дед Ильи, моего соседа по курсу реабилитации, нестарый, как я теперь понимаю, человек, забрал нас смотреть на подъем Орбитального Стапеля. И мы поехали на его машине за город, в поросшую зеленым лесом старую промышленную зону, к заброшенным заводам. Там он выгнал нас из салона, и мы на подгибающихся от слабости ногах бродили по заросшим травой рельсам, дуря от запаха горячей травы и креозота, пока он стаскивал тент с кузова внедорожника и, вращая лебедку, вручную поднимал стартовую ферму с ракетой на ней. Небольшой такой подорбитальной ракетой класса «Подскок» длиной чуть больше роста человека – в те времена их уже вполне можно было арендовать. Полезной нагрузки такая ракета могла поднять не больше килограмма, но в нашем случае этого хватало за глаза.

Там я впервые увидел покетсат, «карманный спутник», что дед подогнал Илье за хорошее поведение, – когда он достал из контейнера черный куб пикосателлита для синхронизации со смартфоном Ильи перед запуском. Он вообще был великий мужик, дед Ильи, это я потом узнал, что он был одним из последних космонавтов-монтажников, работавших на Стапеле, а тогда, оказавшись одним из первых безработных космонавтов, не обломался и занимался своей непутевой семьей и отбившимся от рук внуком.

– Ух ты! – восхитился я, взвесив почти невесомый пикоспутник в ладони. – А откуда он взялся?

– Я сделал, – ответил дед Ильи, чем поразил меня в самое сердце: людей, способных изготовить нечто подобное, я не думал возможным встретить, а ведь он не выглядел небожителем. Он был самый обычный мужик: немногословный, в рыбацкой «цифре», прятал лицо от солнца под полями белой нейлоновой шляпы.

Мы установили куб покетсата под обтекатель ракеты, закрутили винты, отошли подальше, связались с ЦУПом, все честь по чести – частный взлет, получили данные на орбиту, все дела. И Илья дал на своем смартфоне команду на старт.

Ракета взревела и, едва не сшибив нас с ног ударной волной, резво прыгнув куда-то ввысь, мгновенно исчезла из глаз, оставив волну жара, запах сгоревшего керосина и густой, расходящийся инверсионный след. Мы, раскрыв рты, пялились в опустевшее небо.

А потом дед Ильи нацепил на нас операторские очки, и мы увидели через камеру на борту ракеты, как внизу выгибается огромной бездонной чашей Земля.

А потом обтекатель распался, и я вместе с покетсатом вылетел наружу из уходящей на посадку ракеты и продолжил дальше свой суборбитальный полет в абсолютном одиночестве в бездонном пространстве космоса...

Я был прямо там...

Мы могли вращать камеру, озираясь. Сбоку, сверху, опять сбоку проносились затянутая облаками Земля. А потом вдалеке разгорелась яркая быстро растающая точка.

Это был Орбитальный Стапель, именно так – с большой буквы. Последнее достижение великой эры общемировых космических проектов. Я видел ее закат собственными глазами.

Без достаточной разрешающей способности камеры ничего мы, конечно, не увидели, пролетая мимо в сотнях километров ближе к Земле, а так почти лично присутствовали при конце эпохи. Я видел, как били выхлопы из множества двигателей маневровой системы Стапеля, похожего на ажурную сеть мостовых ферм, скреплявших многоэтажки цилиндрических обитаемых модулей и стволы параболических ферм с листьями солнечных батарей. Десятки двигателей в полной тишине выбрасывали потоки раскаленного газа, разгоняя всю эту махину, похожую на город, уводя его на все более высокую орбиту, все выше, туда, где его уже нельзя было толком разглядеть, – выше тридцати одной тысячи километров, за геостационарную орбиту, на орбиту захоронения. Там находили последний приют аппараты, слишком большие или слишком опасные для спуска в атмосферу Земли, успокаиваясь там и не угрожая столкновением с аппаратами орбитами ниже.

Дед Ильи только вздохнул, прощаясь, как я теперь понимаю. Он там был, он его строил, теперь он его окончательно оставил вместе с непомерно большим куском жизни...

Это был день гибели традиционной космонавтики, но я тогда этого, конечно, не знал.

Я еще грезил, как однажды поднимусь на этот восхитительный и потрясающий Стапель, чтобы построить корабль, на котором я отправлюсь в глубокий космос к неоткрытым мирам.

Ничего этого, конечно, не сбылось.

Где-то через месяц, когда я уже был дома в теплом семейном кругу пристального отеческого попечения, похожего на домашнее заключение, все еще ограниченный в свободе и сетевом общении, с родительского соизволения со мной созвонился Илья.

– Тебе спутник случайно не нужен? – спросил он.

Я как-то даже не сразу его понял:

– Спутник? Это который спутник? Твой, что ли?

– Ага, мой...

– А тебе дедушка по башке за это не даст?

– Не даст. Он умер.

Когда даже твои прабабушки живы, трудно оценить смерть в другой семье. Я не нашелся, что сказать.

В доме у Ильи стояла тихая тенистая молчаливая печаль. В комнате дедушки на воздушном экране все еще бежали строчки телеметрии от распределенного ЦУПа, автопилот вел спутник по его низкой орбите, даже после того, как за ним стало некому присматривать. Несколько юбилейных книг на полках, картина в тонкой металлической рамке, точнее, напечатанная маслом фотография – восход Солнца из-за пересекающихся дисков Луны и Земли, вид из космоса, откуда-то издалека, потому что это была обратная сторона Луны.

С момента запуска покетсата я времени не терял. Все это время я засыпал бездны безнадёжного незнания мешаниной спутанных фактов о реальном, невыдуманном космосе, и опознал море Москвы, в котором еще до моего рождения была брошена так и не восстановленная Единая Лунная станция – огромный проект, последний всплеск общечеловеческого глобализма, закончившийся черт знает чем...

Я посмотрел на синусоиду проекции орбиты спутника на поверхность Земли и прошептал:

– Летит.

– Ага, – безрадостно отозвался Илья. – Пока летит.

Время полета было не бесконечным, и оно истекало. Спутнику оставалось не больше трехсот оборотов. Это примерно две недели. Потом атмосфера, хотя и разреженная, все-таки

затормозит низколетящий спутник, и он, падая к поверхности, сгорит быстрее, чем пылинка в газовом пламени. На Земле даже не заметят.

Спутник никому не был нужен, даже Илье.

– Когда дедушка умер, они мозг ему вытащили и заморозили, – пробормотал он. – У него там осложнения были из-за космоса. Из-за невесомости. Они его увезли, вроде ненадолго, провериться, а там он умер, мозг вынули и заморозили. Говорят, может быть, когда-нибудь его разморозят, они говорят, будет жить в свое удовольствие в сгенерированном мире, где можно делать что угодно. Что он так сам хотел... Только он не будет жить в свое удовольствие – он это все ненавидел. Анестезия для сознания, говорил. Он так жить не станет, по-настоящему...

Он не хотел видеть спутник, думать о спутнике, беспокоиться и заботиться. Он хотел забыть, не заходить, не видеть, не вспоминать, не плакать. И забота о спутнике тяготила его непомерно.

И я не колебался ни мгновения.

– Если хочешь, я могу забрать твой спутник, – вполне искренне вызвался я. – Жалко же, если сгорит...

Илья готов был отдать его кому угодно.

К счастью, «кем угодно» оказался я.

Памяти моего смартфона едва хватило на клиентскую часть доступа к распределенному ЦУПу. Илья передал мне права доступа, и спутник стал мой.

Он действительно стал мой. Спутник у тебя в кармане – это просто непередаваемое впечатление. Я шел домой и через его камеру следил, как над синью океана вращаются огромной спиралью облака. А если отвести камеру от Земли, черный космос тут же наполнялся навигационной индикацией, множеством отметок летящих аппаратов.

Чертова прога моментально отожрала под свои распределенные расчеты всю память смартфона без остатка. Пришлось удалить все игры подчистую, а она еще потребовала вдвое больше, чем вообще было доступно. Но я все равно был счастлив, потому что это было оно, настоящее...

А проблемы мои только начинались.

Дома я безжалостно разнес былой свой игровой узел доступа в Сеть, переформатировав его в центр управления. Родители были только рады. Бедняги не знали, как меня накрыло на этот раз. Спутник отправлял и получал телеметрию и, кроме того, усердно обменивался трафиком с аппаратами похожего класса на близких орбитах. Так я узнал, что близкий космос населен куда более плотно, чем было заметно. Частный космос, маленький и незаметный, процветал в тени умирающих всемирных гигантов ракетостроения. В списках распределенного ЦУПа стояли сотни имен и тысячи аппаратов. И никто в этой горизонтальной сети не терял свой спутник – когда тот уходил за горизонт, дружественный трафик поддерживал минимально необходимый канал связи, даже когда между нами оказывалась вся планета. Это было странно: ощутить естественную, как дыхание, взаимопомощь неведомых людей в неизвестных мне краях, языка большей части из них я даже не слышал раньше. Это была такая поддержка, что стоила очень многого.

И когда, лежа в постели, думал о спутнике, который наматывал в высоте свои последние витки – где-то один за час, – я понял, что не смирюсь и не дам ему погибнуть.

С этого момента я был твердо намерен сражаться за его выживание. Я вытащил смартфон из-под изголовья, включил. Спутник потерял за сутки почти километр высоты, атмосфера стала уже достаточно плотной, чтобы замедлять его все заметнее.

Как у всякого спутника нового поколения, у него был трос ликвидации, километровый газомеханический тросик диаметром миллиметр, размотав который и пропуская через него электрический ток в магнитном поле Земли можно менять скорость орбитального аппарата

на конце такого хвоста. В данном случае имелось в виду, что я, как ответственный пользователь, выпустив трос, начну замедлять спутник вплоть до его спуска в более плотные слои атмосферы, где он экологично сгорит на хрен.

Сделал я ровно противоположное. Я начал медленно, но верно разгонять мой аппарат, орбита его при этом, естественно, повышалась, уводя его от Земли. Вопиющее нарушение протокола частного пользователя космических средств.

Утром со мной вышли на связь соседи по орбитам.

– Барон Суббота, отзовитесь. Вызываю Барона Субботу.

Это у меня такой ник остался со времен запойного увлечения смешанными с реальностью играми.

– Барон Суббота, вы нарушаете свой дивизион, отзовитесь.

– Говорит Барон Суббота, – отозвался я.

– Чего это вы вытворяете, молодой человек? У вас курс на снижение, а вы поднимаетесь.

– Я передумал, – не колеблясь, ответил я.

– Ну, если передумал, так выкупи орбиту и болтайся там на все деньги, дивизион-то ломать зачем?

– А сколько стоит выкупить орбиту?

Мне сказали сколько.

В те славные времена на такие деньги мальчик вроде меня мог неделю жить на всем готовом, и еще бы оставалось, чтобы вволю и без меры пережечь свободного времени в призрачных мирах. Стоило это тогда не очень дорого, хотя и побольше, чем астероид своим именем назвать.

Именные астероиды в те времена меня еще не интересовали, а вот на собственный спутник я запал. Но ничего подобного позволить себе я, конечно, не мог, хотя даже такой бросовый подержанный спутник, как у меня, на низкой орбите с иссякающим запасом оборотов перед падением в атмосферу стоил, как подержанный автомобиль. Несколько больше того, что у меня обычно бывало в кошельке. Но вполне достаточно для того, что было у меня в голове. Хотя еще когда мы с Ильей баловались со стандартным функционалом покетсата, у меня уже мелькали мысли, как эффективнее можно использовать этот ресурс.

В общем, я поступил хитро. Я устроил общий чат в своем прежнем игровом клане.

– Вот, дивитесь, чуваки, тема. Нет, это не симулятор. Чего, графика слабая? Да что бы ты понимал, балбес! Это круче в сто раз – это настоящий космос! Настоящий – это я тебе говорю! Реально можно спутником рулить, и квесты на орбите. Какие квесты? Ну разберемся там по ходу. Чем докажу, что настоящий? Чем, чем... Ну, хочешь, я его калибровочным лазером для камеры тебе в глаз посвечу? Сохраняться? Нельзя тут сохраняться – это же жизнь. Ну и иди, дурак набитый, – у меня тут и без тебя очередь из желающих ждет.

Оплата за «поиграться» с настоящим спутником стала первым ручейком, который проложил мне сияющую, вымощенную средствами и славой дорогу в небе.

Позже мы собрали наш первый «Мир орбитального пирата», и он стал моим первым большим проектом. В конце концов мы создали ту самую распределенную игру, свою, смешанную с реальностью, сепарированную реальность, с многотысячной аудиторией и множеством спутников в работе. Мифологизация и мистификация прежних космических достижений человечества тогда зашла за пределы полного безумия, и для рядовых геймеров это была технология, неотличимая от магии, – мало кто нам верил, что все происходит в реальности.

А тогда я бился, как мог.

Я всю торговал доступом к спутниковой камере, торговал каналами связи и информацией. Я продавал климатические данные, сдавал системные ресурсы под распределенные

расчеты, выступал свидетелем в судебных разбирательствах, поставлял данные всем любителям влезать в частную жизнь ближнего своего, готовых за свою страсть заплатить.

Я не собирался расставаться с моим спутником, едва его заполучив. Я мониторил его работу везде, где находился, ел ли, пил ли, ехал ли куда, даже между сном – напечатал себе наголовные очки для смартфона и наблюдал за показаниями приборов и трафиком обмена данными с другими спутниками группировки, – даже на уроках – вместо контрольных.

Одна только аренда орбиты высасывала средства пылесосом. Мне постоянно требовалась работа, честно оплаченная орбита.

– А ты можешь, сынок, предоставить эту видеозапись с такого же ракурса, но в более высоком разрешении? – спросил меня Артур Лимонов, основатель одной многообещающей детективной конторы.

– Гм. Технические условия применения камеры не позволяют...

– Хм, очень жаль. Были бы они чуть получше – я бы заплатил, – скривился Артур.

И что мне было ему ответить? Ну и как мне увеличить разрешающую способность камеры моего покетсата? Вот как? Ну?

Я лежал дома в постели в наголовных пилотских очках, невидящим взором следил за смещением звезд вдоль орбиты спутника, пока однажды решение вдруг не пролетело мимо меня километром выше.

– Кто знает, что это такое с огромной оптической линзой болтается вот на этой орбите? – задал я вопрос в орбитальном коммюнити.

Ответ пришел через пару минут:

– Это спутник-шпион времен холодной войны. Мертвый, естественно.

– А какое разрешение у его линзы?

– Ну и вопросы у тебя. Давай сам поищи в архивах. Нам потом и расскажешь.

Что ж, пришлось закопаться в архивах. Не в последний раз, кстати. Там я не только нашел технические данные на этот тип спутников, но и любопытное описание протокола соединения, применявшегося в прошлом веке для связи с дивизионом спутников-шпионов, и рекомендации по компиляции теплового виртуального лампового приемника-передатчика, и принцип формирования ключей доступа.

Около суток я сканировал подходящие частоты, пока не убедился, что спутник едва, но жив и ведет прием на штатной частоте. Еще полчаса мой смартфон ломал коды. Потом я получил доступ, произвел тестовую съемку и скачал снимок. Снимок оказался выше всяких похвал.

Теперь я мог все, что могут военные спутники-шпионы. Хотя и производства середины прошлого века.

Так я зазомбировав свой первый сателлит. Взял под контроль эту грудку ничейного железа на орбите. Это был только один из многих. Строительство сети из разнообразных заброшенных спутников оказалось на диво азартным увлечением. Барон Суббота – властелин спутников-зомби!

А контора частных детективов Артура Лимонова в обмен на интересные снимки обеспечила мне некоторый постоянный доход.

– А что, – вкрадчиво поинтересовался Артур, расплачиваясь. – Пойдешь ко мне работать? Мы таких дел наделаем, мир вздрогнет. Гарантирую.

– Ну, зачем же разрушать наши такие гармоничные отношения прозой труда по найму? – отшутился я.

– Ну, смотри, – недовольно протянул Артур. – Я второй раз не предложу.

А я смотрел. И очень внимательно. Меня все и так устраивало.

Тем временем проблемы нарастали. Шел расход реактивной массы для маневрирования. Увеличивался износ солнечных батарей и хвоста высоты, системной тепловой бата-

реи, усиливалось помутнение линзы камеры, износ под ударами космического излучения ее матрицы, сбой в работе системы. Ком проблем рос и захватывал меня с головой, насовсем, навсегда.

А потом, вдруг, пришел Илья и потребовал спутник себе обратно.

– Он мой, – сказал он. – Мне его дедушка подарил. А ты его за деньги сдаешь.

– Так ты же мне его отдал!

– Ты его у меня выманил! А теперь я его забираю обратно. Он не твой. Он дедушкин!

Скажешь – не могу?

Он, конечно, мог. А я остановить его не мог. Это был не мой спутник. Но орбита эта была теперь моя, мои рабочие миссии, замаскированные под игровые квесты, мои соседи по дивизиону, мой мир, моя жизнь...

– Хрен с тобой, скотина, – отозвался я. – Раз уж дедушка подарил – забирай. Хотя без меня он уже давно бы сгорел. Хрен с тобой. Но орбиту я тебе не отдам. Она моя.

Он перехватил управление спутником, увел его на свою орбиту и ушел, оставив меня ни с чем.

Ну, почти.

Я ведь уже давно хотел большего.

Сама возникшая ситуация прямым текстом говорила мне о жизненной необходимости двигаться дальше, задуматься о диверсификации и четком юридическом основании для деятельности.

Размышляя над проблемами второго спутника, я определил для себя четыре пути решения проблем и расширения возможностей. Исправление все накапливающихся неисправностей моего подержанного спутника, покупка на все деньги нового модуля на Земле с нужным мне функционалом, долгое ожидание времени подходящего пуска с мало прогнозируемой орбитой в результате, а потом чехарда с попытками стыковки обеих частей. Или точно такая же чехарда, но с одним из модулей, который уже на орбите был, – прикупить по сходной цене у кого-то из товарищей по партии...

Или у кого-то отобрать...

В результате я прошел всеми четырьмя путями разом.

Не более чем через несколько часов после того, как я лишился своего первого спутника, у меня уже был другой, купленный с распродажи полумертвого хлама, но способный поддержать мои штаны по взятым на себя обязательствам. Но, чтобы двигаться дальше, следовало взять новый качественный уровень.

Для этого пришлось выйти на связь с производителем спутников, штучная сборка, полная кастомизация, благо мы находились в одной агломерации. Россыпь кубсатов на столе в офисе производителя произвела на меня неизгладимое впечатление. Я держал в руках их неожиданно легкие корпуса и думал о точно такой же коробочке, летящей в высоком черном небе на высоте трехсот километров...

– Вы апгрейд провести можете? – спросил я, ощущая пальцами нити углепластика вокруг сотен маневровых сопел на гранях кубсата.

– Есть интерес к дистанционной космонавтике? – поинтересовался производитель, его звали Александр.

– Хочу расширить функциональность вот такого базового блока. Это мой список изменений конструкции.

– Давно занимаетесь? – спросил поставщик, считав список.

– Сто лет скоро, – угрюмо буркнул я.

После длительной возни и ожидания я получил то, что хотел.

– Если добавите немного, поставлю вас на ближайший экваториальный запуск, – добавил Александр. – У нас там яхта со стартовым столом. Через неделю соберем всех желающих на старт и выведем на орбиту.

– Идет.

– И еще у меня есть кое-что для вас...

«Кое-что» оказалось орбитами двух интересных с точки зрения старательства объектов. Двенадцать граммов рения на одном и десять на другом. И еще германий, рутений и некоторый запас реактивной массы для пополнения того, что неизбежно потрачу на прожорливые маневры по стыковке. Информация стоила цены.

– Приятно иметь с вами дело! – заключил я, расплатившись.

– Возвращайтесь, когда закончите, – возражать Александр не стал. – Уверен, мы и в дальнейшем можем быть во многом друг другу полезны.

Я тоже был уверен.

Через неделю мой новый спутник был на орбите. Трепещите! Я вернулся! Это была адская машина смерти, та конструкция, что мне удалось собрать, – «Барон Суббота Второй», покоритель орбитальных спутников-зомби. Я был готов идти дальше. Я был готов зайти куда дальше, чем решался кто-либо еще...

Школу я, кстати, так и не окончил... Пустил, можно сказать, свою жизнь под откос ради бесполезной игры. Я не слишком расстроился – очень увлекся добычей рения и германия из обломков брошенных на орбите спутников. Начал этакое полулегальное орбитальное старательство. Утомившись ежедневно обосновывать реальность избранной стези, ушел, наконец, из отчего дома, снял целый этаж в так и не достроенном из-за кризиса прошлого десятилетия небоскребе, расположил там всю контрольную аппаратуру, мастерскую и параболическую антенну связи и место, где залечь на ночь, – спальный мешок в шатровой альпинистской палатке. Иногда я там спал не один. Дистанционные космонавты к тому времени начинали набирать определенную узкую популярность. Где-то между телетуристами и автогонщиками на ретромобилях.

А дело это – разборка мертвых спутников – оказалось азартным и рискованным. Хотя бы потому, что норм и протоколов тогда на эту тему еще не сочинили и какое-то время можно было наслаждаться исключительной деятельностью вне закона.

Я нарвался, как раз когда нагнал второй из намеченных спутников – это был давно мертвый ретранслятор, беспорядочно вращавшийся в облаке более мелких обломков и газа из разорванных от усталости материала баков. Догнать его оказалось проще, чем синхронизировать вращение. Реактивной массы для маневровых двигателей оставалось рискованно мало. Отфильтровал на изображении с камеры бешено вращавшийся внешний мир – так ведь и стошнить может прямо на себя – и остался в почти неподвижном мире системы «спутник-спутник».

Ретранслятор на разборку был огромным, весил треть тонны и выглядел сильно разрушенным временем, ударами мусора и внутренним взрывом из-за прохуdivшегося топливного бака. Взрывом его практически вывернуло наружу. Я ввел покетсат в пробоину. Сверяясь с чертежами спутника, нашел нужные секции, любезно оголенные взрывом, и начал резать. Да, на борту «Барона Субботы Второго» теперь был свой плазменный резак, манипулятор, дополнительные баки, сопла, хвост из солнечных батарей – на апгрейд пришлось изряднейше потратиться, но эта груда орбитального металлолома мне сейчас все компенсирует. Редкоземельные металлы – по-прежнему лучшие друзья одинокого микрокосмонавта.

Я последовательно вскрывал платы, разогревал и выжигал плазменной горелкой контакты, собирая электромагнитом остывающие шарики металла – с германием не было проблем, с рением приходилось возиться куда дольше. Я почти закончил, когда понял, что освещение в полости спутникового корпуса изменилось. Небольшое изменение общей орбиты,

зафиксированное навигатором в системе «спутник-спутник», показало, что совсем рядом с нею появился объект, которого недавно тут вовсе не было.

Я бросил расплавленную плату, одним импульсом двигателей развернул спутник и на изображении с камеры увидел его. Это был совершенно посторонний неопознанный черный покетсат, почти вовсе не отражавший свет, соблюдавший полную радиомаскировку.

– А ты еще что такое?

И тут же я подвергся атаке. Меня попытались подбить электромагнитным импульсом из выброшенного щупа и одновременно провести взлом протокола соединения. Двойной абордаж! Только видал я уже таких резких жуликов, систему мою так просто не вскрыешь, а вот импульс на корпус был неожиданным.

Кому-то тоже редкоземов захотелось?

В ответ я подпалил камеру нападавшего плазмой из горелки. Такого от меня никто, видимо, не ждал. Из-за импульса горелки мы закувыркались, сталкиваясь в стесненном пространстве. А параллельно я сам атаковал систему противника эксплоитом, выловив частоту его соединения с оператором и перехватив связь.

Через сорок секунд он был мой.

Я впервые захватил чей-то спутник, впечатления были непередаваемые. Быстро состыковавшись с обесточенным призом, я свалил оттуда. Ловите меня в космосе!

Тем не менее через пару часов мне позвонили.

– Барон Суббота?

– Допустим.

– Меня можешь звать Хоакин. Хоакин Медуза.

Внезапно я понял, что слышу не человеческую речь, а синтезированный голос автопереводчика. Было слышно, как автопереводчику что-то говорили по-испански.

– Чем обязан, сеньор Медуза?

– У тебя оказалась некоторая моя собственность. Признаю, я вел себя опрометчиво. Но сообщество, к которому я принадлежу, не признает поражений. Потому у меня есть к тебе одно предложение.

– Например?

– Можешь оставить себе мой спутник. Мне, собственно, нужен рений и только рений. Я буду даже столь любезен, что куплю его у тебя – за полцены, конечно.

– И зачем мне это делать?

– Затем, что никогда не узнаешь, как жмет владельцу его колумбийский галстук.

– Звучит впечатляюще. Но я подумую.

И тут же я услышал сигнал экономайзера. На один из моих счетов поступили средства.

– Это оплата за металл, – негромко сообщил мне Медуза. – Не думай слишком долго.

Или издержки возрастут.

Ну, я, конечно, передал ему рений. На рынке редкоземов стоило быть осторожным, а других покупателей у меня еще и не было. В нужное время на плато Наска к верным координатам, в паре сотен метров от полос в хвосте вырытого в грунте знаменитого геоглифа «Колибри», выехал бронированный гантрак перуанского филиала одного известного колумбийского картеля. Ушлые, рукастые ребята ссыпались с него и резво раскопали металлический метеорит, такое вот совпадение, упавший там буквально за несколько минут до их прибытия. Повезло им. Потом резко погрузились и свалили на юг. В пустыне только молчаливая воронка и осталась. Я наблюдал за этим местом со спутника-шпиона – синхронизировал падение посылки с его проходом над этим районом.

Я потом попросил Артура, моего подрядчика из детективного агентства, навести некоторые справки, осторожно. В общем, не врал Хоакин. И состоял, и мог, репутация у него была наработанная, убедительная. Славился он инженерными разработками на ниве техно-

логического совершенствования нелегального своего бизнеса: кочующее по джунглям автономное ПВО картеля, автоматические микросубмарины для морской контрабанды, радаро-незаметные рои дронов с инсектоподобным поведением для сбора урожая в зоне боевых действий – это все он. Повезло мне: тихо бортами разошлись.

Где-то через полгода он забрасывал мне удочку с денежным и совершенно незаконным предложением заняться на орбите синтезом некоторых сверхчистых материалов, но я соглашаться не поспешил. Вот только метамфетамина на орбите я еще и не варил...

Примерно тогда же я стал совершеннолетним в традиционном смысле слова. Пригоден для удаленной войны и прокси-размножения и полной ответственности всеми тканями тела по долговым обязательствам, но только не для курения электронных сигарет с эффектом сдвига сознания в пограничное состояние.

И все это время я ни на мгновение не забывал о Стапеле. Теперь, когда я стал неизменно крут, удал и разнуздан, время для грандиозного восхождения в сорок тысяч километров за сокровищем на орбите захоронения пришло. И я его начал.

К тому времени я уже кое-что представлял из себя в определенных сферах. Когда не хватало людей для поддержки инфраструктуры распределенного ЦУПа, я начинал раздавать доступ своим игроманам в качестве сезонных квестов. Я уже в ручном режиме осуществил ремонт космического телескопа дружественных радиоастрономов, помогавших иногда нам с переброской трафика. А они, в качестве ответной любезности, вычислили для меня истинную траекторию Стапеля.

Собранный прямо на орбите на базе абордажного спутника Медузы аппарат, апгрейженный и перепрошитый, с хвостом электропроводящего подъемника длиной в два километра, начал свое неспешное вознесение на геостационарную орбиту. И продолжал его больше пяти лет.

А тот мой, точнее наш, первый спутник Илья, оказывается, банально спалил. Ему он был вовсе не нужен. Он просто очень хотел произвести впечатление на одну девушку. Идиот. После того как отобрал у меня спутник, он, утяжелив собранным космическим мусором, организовал его падение в плотные слои атмосферы над определенной территорией, устроив впечатляющий звездопад над домом Илюхиной зазнобы.

Звали ее Климентия. Ее страстью был не Илья, а эволюционная биология.

Климентия никогда не выходила из дома. Она была одной из первых жертв массовой истерической анорексии. Ей выжить удалось, ее родителям – нет. Многим тогда и так не повезло. С тех пор она предпочитала не видеть больше, чем одного человека одновременно.

В целом, я мог ее понять.

Все, кто занимался в это время космосом, были помесью антиквара и промышленного археолога. Кроме того, что они все были безнадежными романтиками. На Земле вообще было невесело. «Отлученные роботами» сражались за право на труд или подвизались в скромном хендмейде, поденном ручном труде или безудержном размножении. А на субкультуру карманных спутников никто не обращал внимания. С потерей космосом большого финансирования до нас никому не осталось дела. Иногда о нас упоминали по связанным ссылкам с выставки раритетной микроэлектроники или соревнований по запускам воздушных змеев. Киберспейсеры, виртуальные астронавты, транскосмонавты, мусорщики... Однако с момента запуска моей игры удаленного присутствия, формата смешанной реальности, владельцы частных пикоспутников стали очень модной субкультурой.

И действительно – кто был на Земле круче нас? Да никто, и не рассказывайте мне ничего другого. Круче нас были только настоящие космонавты, а мы были почти они, ведь никаких других и не осталось вовсе.

Мы потеряли космос по собственной вине, взявшись за непосильные проекты с негодными средствами, засрав доступные орбиты до nepотpeбнoгo сoсoяния раньше, чем смогли заселить их.

Стратосферные шары заменили попадавшие телекоммуникационные спутники и дивизионы навигационных систем. Пилотируемая космонавтика умерла в забастовках наземного персонала аэрокосмических агентств. Обломки на орбите, сталкиваясь, множились, все плотнее закрывая небо железной крышкой. Вот так вышло, что к моим двадцати годам в космосе не осталось никого, кроме нас – орбитальных старателей.

Климентия тем временем ушла от Ильи в институт эволюционных биосистем, изучала пищевой цикл погонофор и помпейных червей у бурлящих на дне черных курильщиков в Тихоокеанском разломе, биоценозы на дне Байкала. Провела натурально монашкой больше года в «Биосфере 22», безуспешно сражаясь с коллегами за устойчивость сконструированной биосистемы, рассчитанной на обитание сотни человек. А потом поехала изучать старые системы доставки биологических образцов на орбиту на заброшенном космодроме «Заполярный».

Там-то я с нею и познакомился. Не совсем случайно: мне стало интересно, и я решил посмотреть на нее поближе.

Ангар предстартовой сборки, «здание, под крышей которого видно северное сияние», медленно разрушался, зарастая льдом, но хранил еще автоматические шаттлы-грузовики, ходившие к Стапелю во времена его постройки. Я вычислил те, что совершали полеты хронологически последними, и теперь, сидя в ледяном и тесном нутре, подключившись к коммуникационному узлу бортового компьютера, полупроводниковому еще, копался в памяти, вручную перебирая директории.

– И что вы тут делаете? – спросила она меня, застав на месте преступления.

Я не спеша докачал содержимое памяти челнока, отключил смарт, выбрался из люка на покрытое грязью и чаячьим пометом крыло шаттла, где стояла в термопарке раскрасневшаяся от мороза она. Климентия.

– Набираю материал на диплом, – соврал я. – Промышленная археология. А вот что в этих гиблых местах делает столь выдающаяся представительница рода человеческого?

– Ну, почему в гиблых, – удивилась Климентия. – Здесь жизнь просто кипит.

– Серьезно? – вполне искренне удивился я.

– Конечно, – серьезно ответила она. И это оказалось началом.

Я слушал ее весь день. А потом и часть ночи, пока добирались домой в моем вертолете.

Слушать ее было интересно и легко. Ее страсть и концентрация завораживали.

Я подарил ей кольцо из рения через неделю удаленных свиданий. А она мне – хрустальный шарик, наполненный водой, в котором плавала хромокреветка в созвездии обеспечивавших ее кислородом и питанием святящихся водорослей. Самодостаточный биоценоз, ее дипломная работа, ее космос в кармане – точнее, целый населенный мир... Она отдала ее мне после алого рассвета, встреченного вместе на последнем этаже моего небоскреба без окон, пока мы ждали ее аэротакси, укутавшись в теплый спальный мешок. Я был очень тронут.

– Для нее это – бесконечная вселенная, – произнесла Климентия. – У нее есть больше, чем доступно мне. Знаешь, она могла бы путешествовать в космосе, если бы кто-то придумал, как ее туда запустить. Однажды я хочу этим заняться. Я обязательно этим буду заниматься – космическими биоценозами. Потому что пока мы не сможем жить там, он не будет нам принадлежать. Я построю там свой собственный мир. И он будет таким, каким я захочу. И жить там буду только я. Ну и еще тот, кого я туда пушу, – улыбнувшись, она пихнула меня теплым лбом в плечо.

Я едва не проговорился, что среди сотен развалин на орбите захоронения есть та единственная станция. С секретом. С сокровищем. Но удержался. Не стал спешить. Это должно было стать сюрпризом, новым началом, следующим уровнем...

Может, не стоило тогда удерживаться... Нужно было обещать, удержать, умолять, обещать что угодно. Я не стал. И вскоре она вернулась к Илье. Дела у него шли совсем плохо, развилась геймерская депрессия, вернулась постэвентовая дистрофия, совсем плохо стало с целеполаганием в мейнстримной реальности. Трогательная инфантильность его теперь всех бесила, социальная неустроенность больше ничем не оправдывалась. Все его оставили один на один с собой. Климентия – нет.

Не знаю, почему она с ним осталась, – она ему даже женой не была. А я так и не научился строить длительные личные отношения. Может, он был для нее той светящейся креветкой в шарике воды, украшением ее личного микрокосма, в который акула вроде меня просто не помещалась?

Я занялся другим. Мы как раз запустили систему орбитального ремонта покетсатов. Разрабатывали проект сбора реактивной массы прямо на орбите для заправки двигателей. Меня не оставляла идея зенитно-пушечного транспорта. Славная экономичная пушка, забрасывающая на орбитальные высоты партии простейших грузов размером с пулю, которые нужно будет только перехватить. Вот только судьба предшественника, застреленного в Брюсселе еще до моего рождения, не очень вдохновляла. Хотя времена, когда такой зенитной артиллерией можно было что-то сбить на орбите, давно прошли.

А потом, через шесть лет подъема, «Черная Медуза» поднялась на орбиту захоронения, сбросив на геостационарной орбите очередной спутник-ретранслятор. И времени на посторонние переживания у меня просто не осталось.

Я больше десяти лет не видел Стапель. Годы не слишком сказались на нем, безжизненный покой орбиты захоронения хранил его. Мы ушли в тень Земли, и тьма легла на его солнечные батареи.

Кубсат передавал тепловизионную картинку – на корпусе наблюдались обширные активные тепловые зоны, необычные для остывавшего десять лет тела. Я знал, где причалить, из файлов, найденных в едва живой оперативной памяти последнего шаттла, ходившего к Стапелю, и, синхронизировав скорость сближения до одного метра в секунду, повел кубсат в облет станции – к специализированным грузовым клапанам для жидкостей и газов. Через один из трубопроводов, закрыв за собой приемный клапан, я проник в давно опустевший водяной бак, где, вскрыв стеклопластиковую обшивку в верном месте, получил доступ к световодам информационной магистрали и подсоединился к ним. Дальше – дело техники, система Стапеля не обновлялась больше десяти лет, все уязвимости в ней известны наперечет, я быстро получил корневой административный доступ и приказал открыть аварийный лючок в коридор станции.

С глухим ударом полость бака заполнилась, кубсат крутануло потоком ворвавшегося воздуха и ударило об стенку, покрытую мохнатым инеем, оставшимся после вымерзших остатков воды. От балбес! – забыл про разность давления, а ведь сам стравил остатки газов из бака пред входом в него!

А на станции все еще есть воздух. По крайней мере, в этой части, давление лишь чуть ниже девятисот гектопаскалей. Воздух теплый, около восемнадцати по Цельсию. Воздух влажный. Почти семьдесят процентов. Состав воздуха – азот, кислород, углекислый газ. Маловато кислорода, многовато углекислоты и почему-то азота... Слово кто-то часто дышал, а надышаться было нечем.

Тусклый аварийный свет подсвечивал коридор станции, глох в тусклой взвеси, плававшей в атмосфере станции, – сотни, тысячи коричневых чешуек, похожих на сброшенные

надкрылья насекомых, плавали, слабозаметными потоками перемещаясь в толще малопо-движного воздуха.

Воздух на станции перемещался, хотя конвекционные вентиляторы были отключены – я проверил. Перемещался, а не должен был – тут нет гравитации, и нагретый с солнечной стороны воздух остается, где был. А тут его что-то перемешивало.

Я выбрал холодный реактивный режим для маневров «Черной Медузы», спутник, раздвигая чешуйки, медленно скользил по коридору, подсвечивая путь невидимым лучом инфракрасного прожектора. Чешуйки стремились облепить линзу, приходилось постоянно моргать металлическими «ресницами» камеры, разгоняя их. Вблизи они действительно очень напоминали сброшенный хитин насекомых.

Я как-то уже и не знал, чего ждать... Официально Стапель закрыли из-за недофинансирования и ошибок в проекте, о биологическом засорении не было ни слова...

А потом, повернув на перекрестке трех коридоров, я наткнулся на воду. Воды было много.

Мутные шевелящиеся шары медленно плыли вдоль коридоров, собирались вдоль стен в огромные колеблющиеся массы, словно живые, – да они и были живые, в смысле, населены очень плотно.

Я различал какие-то водоросли, собиравшиеся в зеленоватые комки, явно наблюдал движение чего-то достаточно крупного, чтобы быть многоклеточным организмом. Чешуйки из воздуха налипали на воду, словно на толстую липкую пленку, нехотя тонули в ней, как в густом клее.

Больше десяти лет на этой станции теплилась жизнь, цеплялась за слабую конвекцию воздуха, сбивалась в сложно организованные водоемы в технических полостях, населенных хлореллой, и не спешила вымирать. Стабильный иноземный биоценоз – это был он. Мой приз. Мое сокровище.

– Охренеть, – прошептал я.

Как там говорила Климентия? Кто сможет создать устойчивый биоценоз – тот и сможет заселить.

Я нашел колонии известковых червей, прилепившихся к стенкам станции, удерживавших ветвями своей колонии воду и прогонявших через себя воздух, отфильтровывая из него чешуйки насекомых, – это они создавали конвекцию, позволявшую воздушным газам перемешиваться и избегать опасной концентрации кислорода или углекислоты. В биологическом отсеке я обнаружил, что контейнеры с образцами раскрыты, словно образцы намеренно выпустили, дав им шанс на выживание. Под лампами с аварийным освещением ютились скудные популяции слизней. Я узнал специально выведенный вид пищевых слизней с высоким содержанием протеина, предназначенных для питания космонавтов, – они тоже сумели выжить. Жирная плесень, вездесущий грибок и даже зеленый мох сражались за скудно освещенные стены, покрывая коридоры мохнатым светящимся ковром, особенно буйным, богатым там, где свет Солнца периодически падал через иллюминаторы на стены станции.

Это было восхитительно. Это было чудовищно. Это было прекрасно. Чудовищно прекрасно.

Я все-таки попал в иной, живой неземной мир. А ведь уже и надеяться бросил.

А потом на меня напали. Прекрасный новый мир оказался опасен.

Через раскрывшийся технический люк в коридор вдруг посыпались сотни насекомых, треск надкрыльев, целеустремленный поток, стремящийся прямо ко мне, требовал немедленно убраться с их пути, вот только я и был их целью – точнее, бестолково заматававшаяся «Медуза». Один раз мне удалось увернуться и погнать покетсат к выходу со станции. Решительно прыгающий от стенки к стенке поток трескучих насекомых преследовал меня.

И это были тараканы, тысячи тараканов, паривших от стенки к стенке на широко раскрытых надкрыльях.

Это было похоже на медленную гонку во сне. «Медуза», огибая шары с водой, рвалась к баку с выходом наружу, вряд ли тараканам понравится безвоздушное пространство, но пока они рвались следом, сигая от стены к стене, образуя явно заметный поток, и как раз непонимание того, что им было от меня нужно, заставляло меня не останавливаться.

Я почти ушел от них, просто немного потерял свою невеликую скорость на входе в бак.

Настигший поток забарабанил по корпусу «Медузы» сотнями тел, сбил ее с курса, закрутил вокруг оси, игнорируя усилия маневренных движков по стабилизации, потом ударил «Медузу» об стену раз, другой, погас прожектор, подскочил уровень помех, а потом связь вовсе прервалась.

Я стащил с головы пилотские очки и ошалело произнес:

– Твою же мать...

Связь так и не удалось восстановить, хотя ретранслятор на геостационарной орбите получал от «Медузы» телеметрию двигателя и вспомогательных систем.

Понятно стало, что с этим делом мне одному удаленно не управиться. Был бы здесь человек, работавший на Стапеле, чувствующий себя там, как у себя дома, настоящий космонавт из тех, что в живых-то уже не осталось.

Я глубоко задумался.

Остаться-то не осталось... Если не считать живым одного замороженного...

И я связался с Климентией. Очень я этого не хотел. Она тоже.

– Что тебе нужно? – приветствовала она меня.

Я передал ей запись с борта «Медузы».

– Где это? – спросила она, просмотрев запись.

– Это на Стапеле, – просто ответил я. – Да-да. Я все-таки добрался туда.

– Приезжай, – бросила она.

У нее дома мы посмотрели запись еще раз.

– Как ты думаешь, что им было нужно? – спросил я. – Чего они меня преследовали?

– Какой-то дефицит, – задумчиво произнесла Климентия. – Что-то необходимое, чего критически не хватает на станции.

– Например, что?

– Сложно сказать. Тепло, газ реактивной массы. Углепластик обшивки. Не знаю пока.

Она напряженно думала.

– Это прорыв, – произнесла она, наконец.

– Прорыв куда? – напряженно поинтересовался я.

– Ты все отлично понял, – ответила она непримиримо. – Это необходимо опубликовать.

Нужно собрать экспедицию к Стапелю.

– Да шаз, – зло ответил я. – Он мой, и только мой.

– Он принадлежит международному консорциуму, – устало ответила Климентия.

– Его давно реорганизовали, да так, что правообладателей не осталось. Прошу тебя, не делай глупостей. Я уже там: давай работать с тем, что есть.

– Хм, – Климентия, прищурившись, посмотрела на меня. – А на самом деле тебе что от меня нужно?

– То, что мне теперь нужно, есть не у тебя.

В конце концов она согласилась дать мне десять минут на разговор с Ильей.

Годы его не пощадили. Не сказать больше.

– Ни хрена себе, – только и смог выдать я.

– Хорошо выгляжу? – слабо усмехнулся Илья.

– Нет. Продолжаешь играть?

– Да.

– Зачем?

– Не понял, о чем ты, – поморщился Илья в своем противоперегрузочном гамаке.

– Это я не понял. К чему это затянувшееся самоубийство? К чему это бессмысленное самосожжение в выдумках?

– А что? Мне было куда еще податься?

– Конечно, – ответил я. – Всегда найдется, куда податься. Я же нашел.

– Я не ты, – устало ответил Илья. – Это ты доволен тем, что имеешь, чего добился, а что я? У меня ничего как не было, так и нет. Уйти в этот твой космос? Да ты смеешься? Я не могу этого – ты этого не можешь, мой дед не смог, да и нет для меня никакого отличия твоей выдумки от любой другой: точно такие же картинки неведомых недостижимых миров. Что они есть, что их нет. Да хоть и никогда их не было! В вас же половина мира не верит, а другая сомневается, что вы вообще куда-то летаете. Предлагаешь сменить одну иллюзию на другую? Или по головам пойти, как ты? Ну уж нет. Я лучше так...

– А! Ну конечно – это я здесь плохой. И я виноват в том, что ты живешь как растение?

– Уж лучше бы был растением – хоть бы жизнь чью-то украсил, – прохрипел он. – Тебе-то что нужно от меня?

Подумав, я сказал прямо:

– Мне нужен мозг твоего деда.

– Да ты упоролся, – угрюмо ответил Илья.

В конце концов решили спросить у него самого.

От деда Ильи осталось немного. А что осталось, трудно было назвать человеком.

Родня подсустилась, и он попал в программу реморфинга. Кору его головного мозга одним слоем клеток перенесли на односторонний клубок нейропроводящей ленты, длиной семьсот километров, сконфигурированный в довольно плотное ядро. После пробуждения общаться с ним станет можно только через виртуальный интерфейс. Климентия утверждала, что это такой замечательный интерфейс, что с ним можно детей завести. Ей, видимо, виднее. Я-то не пробовал – не знаю.

Вру – пробовал с одной моей девицей. Странно это было.

Климентия считает, то, с чем они там общаются, живое. Я бы так не сказал. Но они верят. Кто я такой, чтобы их переубеждать?

Его образ моргал, плыл, самофокусируясь и снова расплываясь. Сумеречное состояние после пробуждения не давало сформировать цельное представление о себе.

– Кто здесь? – спросил он.

– Это я, дедушка, – ответил Илья.

– Да. Узнаю тебя. Ты совсем не изменился. Не вырос.

Тут я был с ним согласен, хотя речь шла только о сгенерированном аватаре Ильи. Вечно десятилетний мальчишка.

– Что случилось со мной? – спросил дед.

– Ты умер, – зло и безжалостно ответил Илья.

Человек без внешнего представления о себе некоторое время молчал. Потом внезапно сказал:

– Не вовремя...

– Это точно! – Илья едва не всхлипнул. Я молчал. Климентия, как всегда, если разговор шел больше чем один на один, отсутствовала.

Образ пробужденного от небытия человека, наконец, сформировался, сконденсировался в того нестарого еще человека в рыбацком маскировочном комбинезоне и белой шляпе. В того, каким я его когда-то знал.

И я сказал ему:

– Вы хотите вернуться в космос?

– Конечно, – ответил он, не колеблясь.

И конечно, мы не смогли сохранить все в тайне. Буквально на следующий день все всплыло, и, в конце концов, я разобрался, кто это нас слил. Это был Артур Лимонов – мой детектив-подрядчик, он пас меня по трафику с ретрансляторов, а может, и на меня самого что-то повесил, приглядывал за мной после дела с Хоакином Медузой, чуял жареное. Его друзья из правительства, почуяв клевый, еще никем не прибранный актив, взяли его в долю и начали рейдерский отжим необходимой инфраструктуры. Была объявлена несомненная опасность замусоривания орбит отработанными покетсатами, недостаточное госрегулирование, экологическая опасность, признаки несомненного насилия в космосе, даже пиратства – последствий деятельности сложившихся околоорбитальных преступных группировок, которым давно настала пора укоротить руки. Последовали массовая конфискация оборудования для управления спутниками, и, естественно, тут же произошла массовая потеря связи с ними, когда народ начал массово бросать управление и уходить в самоизоляцию, что привело к тому самому искомому замусориванию орбит. Следом провели национализацию распределенной сети управления полетами. Организованное под Артура Национальное агентство сверхмалого космоплавания начало спешно набирать бывших владельцев на госслужбу, рулить собственными спутниками за зарплату. Самых отпетых транскосмонавтов арестовали.

Я едва избежал ареста.

Я сидел, собирал новый манипулятор для орбитальных работ, когда группа захвата взорвала дверь на мой этаж и ворвалась внутрь. Я не стал разбираться, кто это там пожаловал, сорвался с места, сдернул со стены закрепленный там квадрокоптер с полуметрового размаха лопастями, пробежал мимо паливших в меня сетями спецназовцев и выпрыгнул прямо в небо через отсутствующее окно своего небоскреба.

В падении еле завел двигатели, и их тяги едва хватило, чтобы, грохнувшись на соседней крыше, я не выбил себе ступни из суставов.

Теперь я скрывался. Было нелегко. Ровно в тот же день, после того как в правительстве осознали, что не удалось меня взять за жабры, мою игру национализировали. От так вот. Выкупили по себестоимости.

Правда, из тех, кого набрали на работу в новоявленное агентство удаленной космонавтики, немногие продержались хотя бы полгода. На самом деле там не было для них места. Место предназначалось для других людей.

Национальное агентство уже снаряжало собственную экспедицию к Стапелю. Планы монетизации проекта были самые разнообразные, от разборки станции на редкоземы до торговли биоматериалами оптом.

Несмотря на Отрыв, на который я опережал всех, мой запас времени стремительно иссякал.

Я не переставал смотреть вверх. Небо влекло меня своими миражами, иллюзией самовластия, приманкой всевозможности. Но требовались ресурсы, люди, средства...

Я позвонил тем колумбийцам.

Итак. Семьсот два грамма живой массы. При реморфинге мозга деда Ильи использовали только ткани коры головного мозга, деятельность остальных отделов, влияние желез

внутренней секреции и прочее имитировала система жизнеобеспечения, а она вся, вместе с плутониевой батареей, семь тысяч пятьдесят шесть граммов. И не убавить. Не на текущем технологическом уровне. Перегрузки. Ну, положим, против перегрузок есть у меня одна идея. А кидать-то на орбиту чем? Не пушкой же? Это не стограммовый покетсат рогаткой на орбиту закинуть. Ракет такого класса давно не производят. Интересно, что сказал бы по этому поводу Хоакин Медуза, но я его спрашивать не собирался – себе дороже.

Я связался с Александром, моим производителем оборудования.

– Слышал, у вас проблемы, – приветствовал он меня.

– А у кого их нет?

– Это так, – не стал он спорить. – Чем могу помочь?

– У вас есть оборудование, способное вывести на орбиту вторую ступень с вот такими показателями?

– На Земле такое есть. На свалках и в музеях.

– А что из этого способно взлететь?

– Тут есть над чем подумать.

Пока обсуждали контуры, Александр упомянул между делом, что распределенный ЦУП неофициально все еще работает. Управляет чем-то. Не я один, похоже, отказался снять с себя последнюю рубашку ради будущего детишек неозлиты. Сможем на них рассчитывать.

– Что ж, Александр, если другого варианта нет, остановимся на этом, последнем, – заключил я.

– Это самый рискованный из всех.

– Самый доступный и быстрый из всех. Это сейчас важнее.

– Ракетоплан придется инициировать вручную, чуть ли не зажигалкой.

– Значит, я справлюсь.

– Вы туда сами, что ли, собрались?

– Ну, а кого я туда еще пошлю?

– Придется работать в безвоздушном пространстве, и если что-то пойдет не так, это почти верная смерть.

– Значит, найдите мне в вашем музее скафандр поновее.

Девяносто километров – это почти космос. Небо черное за спиной, с жестоким взглядом белого Солнца, а другую половину неба занимает голубой диск Земли.

– Ну, как там? – тихо спросил Илья.

– Так, как оно и есть на самом деле... – прошептал я, глядя на Землю сквозь ее отражение на прозрачном металле гермошлема. – Стоило того.

Огромный двухсотметровый зеркальный пузырь суборбитального аэростата плыл на границе космоса, там, где уже почти нет атмосферы. Земля отражалась в выпуклом боку. Аэростат должен был нести на борту телекоммуникационное оборудование, которое мы грубо, дисковой пилой, ломом и кувалдой демонтировали на старте. Подвесили меня и двадцатиметровую стартовую ферму со стокилограммовым ракетопланом под аэростатом на тросы и отпустили с богом, как птицу в небо.

Никто не ждал, что я вернусь назад.

Подъем длился почти сутки. Все это время аэростат числился неисправным, не вызывал подозрений. Связь держали через ретранслятор оборудования на борту капсулы, в которой покоился в стартовом анабиозе в противоперегрузочном геле мозг последнего живого космонавта.

Прежде чем впасть в предстартовый анабиоз, дед Ильи сказал мне:

– Обязательно сначала скажи «поехали», понял? И все получится.

– Понял, – ответил я.

Я установил стартовую ферму под аэростатом на необходимый уклон к горизонту. Двигатели сервоскелета скафандра тихо вибрировали – сам я в одиночку такую машину б не повернул, да даже без их усиления жесткие, раздутые внутренним давлением пальцы скафандра сжать не смог бы – слабоват я для таких дел. Это был скафандр деда Ильи. Мы его украли из дома родителей Ильи, когда готовились к старту. Самый лучший из существующих. А ракетоплан, что должен был вывести вторую ступень на нужную траекторию, – забытый студенческий проект Александра, вынесенный нами на руках под покровом ночи из хранилища дипломных проектов Бауманки.

Телеметрия от распределенного ЦУПа шла безупречно.

– К старту готов, – буркнул я.

– Начинаю обратный отсчет, – ответил Илья.

– Удачи, Саша, – произнесла где-то там Климентия.

– Постараюсь, – ответил я. – К зажиганию готов.

– Ноль, – отсчитал искусственный голос бортовой навигационной системы.

– Поехали, – прошептал я и дал зажигание.

Искра от замкнутых проводов подожгла топливо в камере двигателя ракетоплана, три сопла под некрашеным пером хвоста покраснели, затем побелели, ферму подо мной затрясло, как тележку на мостовой, едва не сбрасывая с себя. Но ракетоплан уже оторвался от фермы и мгновенно и бесшумно исчез во тьме.

– Пять секунд – полет нормальный, – сообщил Илья.

Ну, я за вас дико рад, потому что сам я лечу вообще черт знает куда!

Ферму со мной верхом крутануло отдачей от старта вокруг аэростата по огромной крутой кривой, небо и Земля кувыркались вокруг меня, кишки прижало к зубам, и я безжалостно облевал все внутри шлема.

Аэростат разорвало завернувшимися стропами, ферма, кувыркаясь, полетела прочь от медленно и тихо разлетавшегося на мелкие сверкающие куски серебряного шара, стремительно уходящего ввысь, в черное небо.

– Саша, ты там как? – обеспокоенный голос Климентии.

– Бгг! – ответил я, и только успешная работа отсосов, стремительно откачивавших жидкость из гермошлема, спасла меня от потрясающей перспективы захлебнуться в собственной желчи.

– Ты падаешь слишком быстро!

Еще бы! Подо мной трехсоткилограммовая ферма, и скафандр весит как два меня, и летим, как выпущенные из огромной пращи!

Я смог протянуть руки, точнее – инициировать двигатели сервоскелета, и отцепился от фермы. Только страховочный трос снять не успел – меня тут же сорвало и раскрутило. Ферму и меня разнесло в равновесную взаимно вращающуюся тросовую систему, летящую к Земле.

– Ты падаешь слишком быстро!

Трос вырвало из скафандра вместе с карабином и куском оболочки, и воздух изнутри мгновенно вылетел вместе с фонтаном герметизирующей жидкости. Поток кислорода из аварийного бака разогнал алый туман, застывший глаза, когда пробоина на груди заросла длинным уродливым полимерным полипом.

– Высота шестьдесят километров, быстро снижаешься. Замедляйся! Замедляйся!

Кажется, я должен что-то сделать, чтобы не падать так быстро. Кажется, я хотел раскинуть руки... выбросить первый вытяжной парашют на шестидесяти...

Последнее, что я слышал, были слова Ильи:

– Сто пятьдесят секунд – полет нормальный.

Выпустили меня через четыре года. Хорошее поведение, ходатайства общественных организаций, то да се. Сажали-то на пятнадцать... Не чаял выйти так скоро, признаюсь.

– Ну что ж, – сказал по-русски автопереводчик Хоакина Медузы. – Это было познавательно. Удачи во всех начинаниях, приятель.

Он похлопал меня по плечу на прощание и, зубасто улыбнувшись, степенно проследовал обратно в бокс особого режима, где и следовало обитать общественно признанному авторитету. Его-то закрыли пожизненно. Прошли мы по одному делу «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка» и тому подобное... Наше сотрудничество в итоге создало мне больше проблем, чем решило, как на воле, так и на зоне, ну да что уж тут рыдать, годы необратимо просраны, и нужно стартовать оттуда, где ты есть теперь.

Нюансы с незаконным стартом, угоном оборудования, занятием орбиты и присвоением бесхозного имущества на орбите захоронения после двухлетней деятельности международного трибунала по борьбе с новоявленным космическим наркобизнесом никто даже не вспомнил. И неудивительно, ведь Артур был главным свидетелем по делу, а там и его могли подтянуть на те же нары, за соучастие.

Я все-таки смог выпустить тормозной парашют. А дальше было дело техники, хотя в итоге меня снимали с вышки линии электропередач, как высоким напряжением-то не убило, не пойму...

Так и звали меня на зоне: Парашютист.

Некоторое время спорили, можно ли меня считать космонавтом, в том смысле, являюсь ли я первым осужденным космонавтом за решеткой, но решили, что раз полного витка выше ста километров я не сделал, то нет, недостойн. Ну и ладно.

Один хрен – я последний, кто видел Землю из космоса собственными глазами.

Я вытащил из непривычного кармана непривычно гражданской одежды свой сувенирный шарик с замкнутым биоценозом внутри, посмотрел через него на свет солнца. Едва различимая креветка продолжала свою одинокую размеренную жизнь. Она – тварь условно бессмертная, если ее кормить, никогда теоретически не умрет. Слава богу, я не из таких.

Где-то через год заключения заходил проведать меня Илья, передал мне этот шарик от Климентии, а она забрала его из отделения вещдоков следственного комитета. Ей отдали, она теперь звезда первой величины, она сумела воспроизвести биоценоз Стапеля на Земле.

– Спасибо тебе, – сказал я тогда Илье.

– Тебе спасибо, – отозвался он. Выглядел он сильно лучше, ходил, по крайней мере, сам.

– Дед не дает мне теперь расслабиться, – слабо улыбнувшись, объяснил он.

Это да. Дед его, с тех пор как мы вывели его на орбиту, откуда он успешно со второй ступенью добрался до Стапеля, где провел успешную стыковку, проник внутрь, нашел, починил и взял под контроль богатейший арсенал «Черной Медузы», обуздал бунт заселившихся брошенный Стапель тараканов и теперь все эти годы напрягал буквально всех. Он был, несомненно, в своей стихии, и последствия длительного пребывания в невесомости, убившие его уже на Земле, ему больше не страшны. Там он был на вершине пищевой пирамиды, и ресурсов биоценоза хватало для производства достаточного количества калорий, чтобы поддерживать жизнь клеток его мозга. Вот так неожиданно возродились обитаемые внеземные станции и пилотируемая космонавтика. Кто хочет осваивать космос, тот живет там.

Тем временем на Земле новоявленное агентство сверхмалой космонавтики под чутким руководством Артура довело себя до кризиса управления, диверсификации и полной реорганизации. Агентство распродали с молотка: мой старый приятель, поставщик оборудования Александр, не упустил свой шанс и здорово на этом поднялся. Теперь за ним была ключевая доля спутникового рынка, и он распоряжался на ней железной рукой разумного монополи-

ста. А Артура списали в нетрудоспособные. Адиос, скотина. Приятного тебе заката на одном гарантированном пайке.

Но мне, конечно, не вернули ничего. Будущее у уголовника со статьями вроде моей вообще безнадежно беспросветное, но у меня, тем не менее, оказалась пара предложений в органайзере.

Александр забрал меня от пенитенциарного центра и отвез на пристань, где я перешел на борт стартовой яхты, уходившей к экватору.

– Я там тебе кое-какие координаты отправил, поинтересуйся в свободное от основной работы время, – сказал он мне на прощание.

– Обязательно, – пообещал я, пожимая ему руку. Это было в моих интересах. Орбитальное старательство, видимо, меня заждалось.

Около суток, что мы шли в стартовый район, меня готовили к старту. Заменяли противоперегрузочным гелем жидкости тела, тем самым, опробованным на деде Ильи. Теперь это, благодаря стараниям Климентии, апробированная технология. Но процедура неприятная.

На палубу краном подняли из трюма мой снаряд-скафандр, заряжали его сжиженным воздухом и кристаллизованной водой.

В океан спустили сложенный каркас пушечного ствола, уже под водой он развернулся в двухкилометровую трубу, которая тут же начала намораживать на себя лед, что поддерживал заодно плавучесть пушечного жерла. Когда жерло одноразовой ледяной пушки сформировалось, начали электролизом разделять воду на два огромных пузыря кислорода и водорода.

Тем временем меня упаковали в снаряд, пожелали удачи и задраили люк-гермошлем. Подняли краном и опустили в жерло подводной пушки.

Ох, Хоакин, думал я, опускаясь все глубже и глубже между двух газовых пузырей, разъединенных лишь управляемой жидкостью, сидеть тебе за такие идеи действительно до смерти.

Яхта тем временем отчалила, оставив пушечный айсберг плавать на волнах.

А потом пошел обратный отсчет. Сознание застыло вместе с противоперегрузочным гелем в клетках моего тела, два огромных газовых пузыря подо мной с ревом урагана смешались, и проскочившая по всей длине ствола искра взорвала гремучую смесь.

Выстрел!

Айсберг взорвался, за миллисекунду до саморазрушения выбросив из жерла скафандр-снаряд, разогнанный до семи километров в секунду.

В облаке раскаленного газа на конце столба кипящего воздуха я пробил атмосферную толщу и через сто двадцать секунд вылетел в черное небо со звездами. Тут и противоперегрузочный гель меня отпустил, став снова водоподобной жидкостью.

А-а-а! Я в космосе!

Я снова вижу Землю со стороны!

Меня перехватили в апогее крутой параболы, уводившей обратно к Земле. Спутник-манипулятор, «рука в космосе», глубокая модернизация моего собственного проекта. Он перехватил меня, состыковался с моим скафандром, стал моей двигательной системой, способной втащить меня на высококую орбиту.

Приближаясь к усыпанному огнями Стапелю, я видел, как с Земли зенитным пушечным транспортером из района строительства второго Никарагуанского канала непрерывной огненной трассой запускают на орбиту только что вынутый морской грунт. А уже на орбите удаленный космический монтажник Илья перехватывал грунт и направленным лазерным укладчиком формировал из потока разогретой об атмосферу породы многослойную стену титанической полости искусственного астероида-циклера – больше километра в диаметре. Когда закончат эту полость, ее населят клонированной из биоценоза Стапеля биосистемой, и он будет почти совсем готов для трехлетнего полета к Марсу. А там – кто знает?

У залитого светом и охваченного деловитым движением дронов Стапеля меня встречал сам дед Ильи на борту старого абордажника «Черная Медуза».

– Добро пожаловать, – приветствовал меня он.

Я был благодарен старику – это ведь он поручился за меня. Благодаря ему я все-таки покинул Землю.

И теперь я буду строить межпланетные корабли.

Николай Немытов Беспризорники

*Кто на лавочке сидел,
Кто на улице глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.
Дело было вечером,
Делать было нечего.*

Сергей Михалков «А что у вас?».

– Максимка! Иди до... Максим, зараза! Башку сломаешь – домой не приходи!
На фоне окна второго этажа виднелся силуэт мамы Максима с поднятым в гневе кулаком. Танька фыркнула в ладошку. Илюшка оторвался от экрана-«газетки», прищурился, глядя на окно. Максим, висевший на турнике вверх ногами, раскачался и соскочил на землю.
– Хорошо, мам! – откликнулся он.
– Быстро домой!
– Ма! Мы Дмитрия Валентиныча ждем!
Женский силуэт в окне на мгновение замер, быстро поправил прическу, огладил талию, расправляя складки на платье.
– Дмитрия... Гм!.. Валентиновича? – повторила мама.
– Ага, – кивнул Максим. – У нас это... Ночные занятия по астрономии!
Танька уже тихонечко хихикала, закрывая рот ладошкой. Мамы двора дома 27 по улице Восьмого Марта очень уважали умного, вежливого, а главное – холостого учителя из пятнадцатой квартиры.
– Ну, раз так, – Максимкина мама высунулась из окна, оглядела скрытый сумерками двор (неловко получилось: вдруг молодой преподаватель стоял в тени тополей и слышал ее крик?), – раз так, то, конечно, занимайтесь. Но после – сразу домой! А завтра я спрошу Дмитрия Валентиновича: какие такие занятия по ночам? Понял?
– Да понял, понял, – пробормотал сын в ответ.
– Пять баллов, Сим, – Илюшка растопырил пальцы. – Врешь и не краснеешь.
– Да ладно, – отмахнулся Максим. – По-твоему, ей все в подробностях рассказать? Потом узнает сама.
– Скорее, увидит, – уточнил Илюшка.
– Ах, мам! У нас ночные занятия, – передразнила Танька, прогуливаясь по перекладине брусьев, словно в цирке по канату, – по астрономии, – кокетливо поправила волосы похожим жестом. – Ах, Дмитрий Валентнович? О, Дмитрий Валентинович!
– Артистка, – пробормотал Максим.
– Враль, – парировала Танька. – Тебе же от отца влетит, Сим.
– Как говорит наш общий друг и мудрец Ил, – врунишка указал на Илью, – это весьма проблематично.
«Мудрец» вздохнул, нажал на кнопку «непроливайки» – ученической ручки-компа, – вновь разворачивая из ее корпуса гибкий тонкий экран-«газетку».
– А разве мама не знает, что ты врешь? – спросил третий мальчик.

Он тихо сидел на скамейке, с удивлением наблюдая за происходящим. Эдик – так его звали – приехал из-за границы в гости к Таньке, мама которой приходилась двоюродной сестрой его отцу.

Максим взглянул на Эдика, как на говорящий камень.

– А разве я соврал? – враль пожал плечами. – Сейчас придет Валентиныч, проведет занятия. Ночные.

Эдик нахмурился – ответ скрывал какой-то подвох.

– Звучит правдоподобно, – пробормотал он, проглотив сомнения.

– Не заморачивайся. – Танька спрыгнула с брусьев. – Скоро все увидишь сам.

– Что увижу? – насторожился Эдик.

– Секрет, – девчонка приложила палец к губам. – Ты умеешь хранить секреты? – Она смотрела на гостя с загадочной улыбкой.

– Н-наверное...

Илюшка произнес беззвучную фразу в «газетку», экран булькнул в ответ, отправляя сообщение. У Таньки в кармашке брюк отозвалась «непроливайка»:

А во время звездопада
Я видала, как по небу
Две звезды летели рядом...

– Ниче себе, – Максим усмехнулся. – И на кого это у нас такой рингтон?

– Не твое дело, – прошипела Танька, доставая ручку-комп с мигающим зеленым огоньком входящего сообщения. Девочка развернула «газетку».

«Ты уверена в нем?» – писал Илья.

«Родители ушли в театр. Заккрытие сезона. Куда его девать?» – набрала Танька пальцами по клавишам. Прозвучал колокольчик отправления.

– Ох, ох, – скривился Максим. – Меня бы постеснялись. Жених и невеста – голова, как тесто.

– Прекрати паясничать, – возмутился Илюшка. – Три месяца готовились, и что?

– Что? – Кривляка нахмурился.

– Скажем Валентинычу, что?

Илья вздохнул, потер пальцами переносицу. Эдик с самого знакомства вел себя странно. Например, не стал здороваться с ребятами за руку и спрятал ладони за спину. Может, в их стране так не принято?

Максим не упустил момент поиздеваться над чужаком. Плюнул в ладонь, протянул иностранцу:

– Замажемся на дружбу? – со своей привычной усмешкой предложил он. – Зови меня просто: Сим. Идет?

На что гость отступил, брезгливо морща нос.

– Прекрати! – вступилась за троюродного брата Танька. – Убери эту гадость!

– Ладно, – Сим остался доволен. Тряхнул пальцами, вытер о штаны.

Вот и получалось: с одной стороны, неприятно пожимать обслюнявленную ладонь; с другой – так все мальчишки в городе заводили друзей, и неписанный закон не вчера придуман.

– Не обращай внимания, – сказала Танька гостю. – Сим у нас немного с придурью.

– Сама дура, – беззлобно откликнулся Максим.

– А разве его не надо лечить? Разве за ним не должен присматривать врач? – пролепетал Эдик.

В общем, с общением не получалось. Не вовремя появился странный гость, очень не вовремя.

«Возможно, тебе придется остаться с ним», – скрипя душой «нашептала» в экран Илюшка.

– Еще чего! – вслух выпалила Танька, делая обиженный вид.

– Не понял, – растерялся Максим.

– Тебя не касается! – отмахнулась девчонка.

Из подъезда вышел высокий рыжий мужчина с большим тубусом за плечами и инструментальной сумкой в руках.

– Привет пилотам! – крикнул он друзьям.

Максим сорвался с места:

– Добрый вечер, Дмитрий Валентинович! Ого! Вы сбрили бороду?

Учитель приосанился, улыбнулся:

– В честь такого события... Пришлось.

Говорил Валентинович неспешно, немного растягивая слова, и отвечал после некоторой паузы, словно взвешивая каждое слово.

– В нашем отряде пополнение? – спросил он, заметив Эдика.

– Танькин троюродный брат с мамкой приехал, – пояснил Сим, многозначительно ткнул пальцем в небо: – Из-за границы.

При знакомстве учитель не подал Эдику руки, словно знал заранее – жест напугает гостя. Возникла неловкая пауза, в которую тут же вклинилась Танька.

– Вот решила показать брату, чем мы занимаемся, – затараторила она. – Обменяться опытом.

– Что ж. Хорошо, конечно, – кивнул Валентиныч. – Тогда не будем терять время, – он передал инструментальную сумку Симу. – Выдвигаемся к «железяке». Мы должны успеть до часа ночи вернуться. Потом трассовики уйдут в парк, и придется топать пешком, что нежелательно. Ясно?

– Подумаешь, – Максим забросил сумку на плечо. – До Перовских скал не так уж далеко.

– Среди нас есть девушка, – напомнил учитель (Танька смущенно потупилась), – и неподготовленный человек, иностранный гость. Думаю, как радушные хозяева, мы должны позаботиться об Эдуарде.

– Ага, – Сим отвернулся, чтобы учитель не видел его усмешку.

– Извините, – подал голос иностранный гость. – Вы собираетесь выйти со двора?

Ребята переглянулись, Танька закусила губку: опасность остаться нянькой при брате становилась все реальнее.

– Мы едем в другой район города, – пояснил Дмитрий Валентинович. – Если хочешь – можешь остаться дома.

– Не знаю, – пожал плечами Эдик. – Но разве ай-дорс позволит детям покинуть двор без разрешения родителей, заверенного нотариально?

– Какой еще торс? – нахмурился Илюшка.

– Системная охрана двора, – пояснил гость.

Сим хмыкнул, а Валентиныч поднял руку, останавливая его.

– В нашей стране достаточно устного уведомления, – пояснил учитель и обратился к ребятам: – Ведь все сказали родителям, куда мы собираемся?

– Как же! Мама меня только что отпустила, – не соврал Максим.

– Илья?

– Мои знают, – ответил тот.

– Я всем сказала, – пылко заговорила Танька. – Сказала, что Эдик будет со мной и я глаз с него не спущу.

– Вот видишь, – сказал Валентиныч. – Все в порядке.

Эдик с сомнением посмотрел на мужчину и ответил:

– У вас, должно быть, очень крутой преподавательский диплом и хороший адвокат.

– Диплом есть точно, – подтвердил учитель.

Заграничный гость снова почувствовал недосказанность, но промолчал.

– Дмитрий Валентинович! – Танька выскочила вперед. – Я буду следить за Эдиком! С ним ничегошеньки не случится! Правда-правда!

За нее вступился Илюшка:

– У Таньки на «газетке» часть программы: возведение стартового стола, управление опорами. Скачивать на другую «непроливайку», распаковывать архивы – потеряем много времени, или на другой «непроливайке» не хватит памяти.

– Согласен, – кивнул учитель. – И раз у нас новый член команды, каждый из нас должен заботиться о нем. Ясно?

Пилоты согласились, а Танька едва не светилась от радости. Она хотела отправить Илюшке смайлик, но Максим вдруг тихо запел: «Я тебе, конечно, верю – разве могут быть сомненья».

– Дурак.

– Угу, – Сим довольно усмехнулся.

Электромагнитная трасса пролежала по центральным улицам. Трассовик – электроавтобус – доставил команду в старый город, откуда пилоты во главе с наставником двинулись пешком к Петровским скалам сначала по асфальту, а потом вовсе по узкой тропе.

– Ваш учитель очень богатый человек, – прошептал Эдик сестре, с опаской вглядываясь в ночной сумрак, освещенный лишь ручными фонариками ребят. – Очень амбициозный и талантливый.

Танька слегка растерялась.

– Насчет таланта ты прав, – согласилась она. – А в остальном... С чего ты взял?

– Он ведет нас по тропе без дипломированного проводника, без сопровождающих рейнджеров.

– И чего? – сестра не понимала, к чему клонит Эдик. Любой мальчишка или девчонка могли ночью отправиться в Петровские скалы на прогулку. Потом, возможно, влетит от родителей за опоздание к ужину и «недетское» время.

– Значит, он окончил академию рейнджеров и школу проводников, – гнул свое Эдик. – Два учебных заведения одновременно. Если бы не так, то учитель был бы старше лет на пять. Вот я и говорю: талантливый и амбициозный. А за обучение знаешь сколько заплатить надо?

– Нет, не знаю, – Таньке надоел разговор. – В нашей стране обучение бесплатное. Мы в малой академии проходим много предметов. А потом выберем, что понравится.

– Эй, вы, там! – окликнул их Илюшка. – Не задерживайтесь! Уже пришли.

«Железкой» оказался ржавый остов автомобиля с двигателем внутреннего сгорания.

– «Лада-Эллада», – хлопнул по крыше механических останков Максим. – Ее бы в музей. К нам в школу.

Илюшка цыкнул на него, погасил фонарь, и ночь обступила друзей со всех сторон.

Эдик судорожно вцепился в руку сестры:

– У-у вас секта? – прошептал он Таньке в самое ушко.

– Дурачок, – так же тихо ответила та и показала на небо. – Смотри.

Огни города остались позади, и ясное звездное небо раскинулось над ними.

– Красота, – замороженно произнесла Танька. – Млечный Путь. Кассиопея. Медведицы. Туманность Рака, – свободной рукой девчонка показывала брату созвездия, а когда взглянула на него, разочарованно вздохнула. Эдик зажмурился, мелкая дрожь охватила его тело.

– С-страшно, – клацая зубами, произнес он. – Космос – холодная бездна, смертельная для человека.

Максим в сердцах сплюнул:

– Придурок.

Танька обняла брата за плечи, принялась успокаивать.

– Возвращаемся, – тихо произнес Дмитрий Валентинович. – Так дело не пойдет.

– Нет! – Илюшка едва не подпрыгнул на месте. – Мы не можем! У нас все договорено!

Когда представится такой момент?

Максим угрюмо молчал. Тогда заговорила Танька:

– Нет-нет! Не надо возвращаться! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Валентиныч, не надо, – она подбежала к учителю, молитвенно сложив ладони. – Он справится. Он сильный.

Гость опустил на колени, дрожа, как осиновый лист, обнимая себя руками.

– Дмитрий Валентинович, – подал голос Максим. – А как же: «Идти до конца к поставленной цели»?

– Не ценой жизни родных и близких, – парировал учитель. – Наша цель в данный момент не глобальна.

– Это, скорее, трудность на пути, – заключил Сим.

Учитель взглянул на мальчишку сверху вниз. Тот упрямо смотрел на преподавателя, не отводя глаз, пальцы на ремне инструментальной сумки побледили.

– Достань одеяло, терм с чаем и стульчик, – распорядился Валентиныч. – Готовил запас для единственной девочки, а пришлось поить и согреть ее брата.

Максим быстро взялся за дело.

– Таня, тебе придется побыть сестрой милосердия, – сказал наставник девочке. – Пока.

– Хорошо-хорошо, – часто закивала Танька, укутывая Эдика в одеяло вместе с раскладным стульчиком, на который его усадили.

Илюшка протянул к ней руку.

– Что? – не поняла девчонка.

– Давай «непроливайку», – сказал тот. – Начинаем сборку стартового стола.

Ребята под руководством Валентиныча быстро установили вокруг остова три штатива в человеческий рост, закрепили на их вершинах ручки-компы – «непроливайки» – и активировали «газетки».

– А-а вы получили разрешение у хозяина а-авто или его н-наследников? – спросил Эдик.

Горячий чай и забота сестры постепенно приводили его в чувство.

– Получили, – соврала Танька (вот уж не было заботы искать хозяина старого хлама!). – Конечно, получили. У нас есть разрешение на все-все, – она перешла на шепот. – Валентиныч, он меценат, очень богатый человек, – врала сестрица. – Знаешь, сколько он вкладывает в русскую науку? У него даже государственная премия есть за заслуги.

Брат недоверчиво покосился на нее.

– К-как Илон Маск, – пробубнил он.

– Круче, – отмахнулась девчонка. – Ваш Илон уже древний старик. А Дмитрий Валентинович – в расцвете сил.

Эдик взглянул на учителя, на то, как три радужных луча «непроливаек» лепят стартовый стол из старого автомобиля, и согласился с сестрой.

Машина дрогнула, с металлическим скрежетом осела, раскалилась до малинового цвета и стала таять прямо на глазах.

– Что п-происходит?

– Мы собрали 3D-принтер, – пояснила Танька. – Лазеры разогревают железо до температуры плавления и лепят фермы стартового стола.

Раскаленное железо дышало жаром. Надев защитные маски, ребята во главе с учителем следили за процессом, манипулируя лучами «непроливаек». Эдик высунул голову из-под одеяла, удивленно наблюдая за растущей конструкцией.

Танька взвизгнула от радости, когда дело было закончено и металл стал темнеть, остывать. В порыве она обняла брата, чмокнула его в щеку.

– Ой! Даже не верится!

– Полдела сделано, – выдохнул Дмитрий Валентинович, снимая маску, вытирая вспотевшее лицо. Он придирчиво осмотрел конструкцию, обойдя ее вокруг. Теперь «непроливайки» освещали ее дневным светом.

– Хорошая работа, Татьяна, – похвалил учитель. – Молодец. Пять баллов!

Танька закусила губку, заливаясь румянцем от радости: ее программу строительства одобрили.

– Сим, готовь автоматику, – распорядился учитель. – Ил, убираем штативы на стартовую позицию.

Илюшка мельком глянул на часы:

– Отставание от графика – две минуты сорок семь секунд.

– Наверстаем, – отмахнулся Максим.

– В-взрывоопасный снаряд! – заскулил Эдик, но никто не обратил на него внимания.

Ракету осторожно извлекли из тубуса, водрузили на стартовый стол, закрепили опорами. Белое веретено с надписью на корпусе: «Кассиопея».

– Контроль, – сказал Валентиныч.

Каждый стоял у своей «непроливайки», проверяя состояние всей системы. Даже Танька позабыла о брате: подскочила к штативу, стала листать графики и схемы.

– Здорово-здорово-здорово! – едва сдерживаясь, она захлопала в ладоши.

– Не отвлекайся, – строго произнес учитель.

Максим хмыкнул, покачал головой:

– Ну, ваще.

Танька потупилась, проверила показания, доложила по форме:

– Отклонения в пределах нормы! – голос дрогнул от волнения.

– Я бы не рекомендовал... – проблеял Эдик.

– Пятиминутная готовность! – объявил Дмитрий Валентинович.

Отступать было поздно. Что ж девчонке так не повезло с братом?

– Я вынужден...

– Всем отойти на стартовую позицию!

Со стороны «Кассиопея» смотрелась красиво, даже величественно. Танька достала свою маску визуализации, немного подумала, вертя ее в руках.

– Хочешь посмотреть? – протянула брату.

– Что именно? – с опаской спросил тот, пряча руки в складках одеяла.

– Взлет корабля. Все как на симуляторе, только лучше.

– У меня триста семьдесят четыре часа налета на симуляторе шаттла, – не без гордости сообщил Эдик.

– «Кассиопею» мы построили сами, – Танька улыбнулась. – Она настоящая. Ну, почти.

Брат поднял руку, замер в нерешительности.

– Бери. У меня есть запасная.

И он взял визуалку в руки.

– Давай, астронавт. И будет у нас почти «Союз-Аполлон», – подбодрила сестра.

Эдик сглотнул.

– Волга впадает в Каспийское море. Как бы чего не вышло, – с усмешкой произнес Максим.

– Минутная готовность! – объявил Дмитрий Валентинович.

Кто знает, что в тот момент больше повлияло на решение: колкие слова Сима или уговоры сестры? Эдик сбросил с себя душное одеяло, нацепил маску, тут же оказавшись в кабине корабля.

– «Кассиопея»! Это «Башня»! – раздался голос Дмитрия Валентиновича. – Начинаем отчет! Десять!

Несмотря на волнение, Эдик с интересом рассматривал кабину, жалея, что осталось мало времени на ознакомление с устройством корабля.

– Нравится? – спросила Танька, сидящая в соседнем кресле.

– Нравится – не нравится. Не засоряйте эфир! – ответил вместо нее капитан корабля Сим.

– Ноль! – отсчитал голос учителя. – Старт!

Показалось, что «Кассиопея» так и останется стоять на стартовом столе, и ничего не вышло, и долгая работа пошла прахом. Но вот с сильным хлопком под ракетой появился огненный шар, раскалился до белого цвета, вытянулся острым языком к земле, превращаясь в синее пламя.

– Первая ступень набирает расчетную мощность! – доложил бортинженер Илюшка.

– Убираем опоры! – ответила «Башня».

Фермы отошли в стороны, и «Кассиопея» стала медленно подниматься.

– Пошла, родимая! – закричал Максим, оглушая радиоканал. – Теперь мама увидит!

На радостях он хлопнул Илюшку по плечу.

– Не ори в эфире, – напомнил тот.

Рядом с ними еще один человек орал, сжимая кулаки, но в реве двигателей его вряд ли кто услышал бы. Тем более в маске визуализации. Забытая радость взлета вернулась к Эдику, ломая поставленные запреты.

– Добрейшего вам вечерочка, дамы! – в беседку вошел отец Максима, подсел к жене, чмокнул в щеку.

Женщина отстранилась, поморщилась:

– Ты бы побрился, леший нечесаный.

– Утречком брился, – приложив руку к груди, признался мужчина. – Так она ж растет, как зараза.

Он взглянул на сидящих за столом женщин: мама Татьяны – подруги Максима – с незнакомой теткой, одетые в вечерние платья, поздоровались.

– Сегодня праздник какой? – поинтересовался мужчина.

– Мы только из театра, – ответила Танина мама. – Ездили на закрытие сезона.

– О! – И к жене: – Слышь, мать? Может, нам тож как-нибудь – фьюить! – в театр или киношку намылиться? – Он обнял супругу за плечи.

Та взглянула строго, стряхивая руку, прошептала: «Вроде трезвый». Вслух произнесла:

– Вот слушаем про границу. К соседке сестра приехала.

Мужчина выпрямился – неожиданно как-то, – огладил волосы:

– А-а! Ну, так оно конечно. Гм! – протянул гостье руку. – Здравь!

Жена одернула, процедила сквозь зубы:

– У них так не принято.

Мужчина тяжело вздохнул: в женский разговор лучше не вступать. Тут свои правила. Поднялся и, ступив за порог беседки, спросил:

– А оборот наш где?

– Ой! – супруга всплеснула руками. – Да ракету они свою запускать поехали. Вот жду, – женщина взглянула на тонкие часики на руке, – с минуты на минуту стартуют.

– Ну ладно ваш Максимка, – подала голос мама Татьяны, – хоть пацан. Илюша тоже. А моя-то девка куда?

– Будет Терешковой или Савицкой, – ответил мужчина, доставая из кармана пачку «Примы». – Одним словом – женщина-космонавт, герой.

Немного подумал, взглянул на мамаш и спрятал сигареты. С этими не покуришь: «Дымишь, как паровоз!»; «Табачищем прет!».

– Постойте! – спохватилась заграничная гостья. – Так ведь мой Эдик сейчас с Таней. Он что, тоже?..

Она побледнела, достала из сумочки смарт-косметичку.

– П-пропущенный вызов, – заикаясь, произнесла гостья. – «Мама, мы в-в-вз-злетаем»? Кто в-взлетает? Куда?

В ответ где-то далеко за городом раздался хлопок. Через некоторое время на южной стороне неба появилась огненная черта, уверенно поползла к звездам. Люди выглядывали из окон, тыча пальцами в ракету. Кто-то восторженно воскликнул: «Это ж наши! Наши «космонавты» свою «Кассиопею» запустили!»

– Поехали! – загорланил папаша, размахивая над головой мастеркой.

– Да что ж ты так орешь?! – возмутилась жена, сияя от радости – соседи видели дело ее сына, хвалили и радовались за него.

– Штурмовать далеко море посылает нас страна! – не в тему запел отец «космонавта». – Молодые капитаны!..

– Где они?! – крик гостьи заглушил далекий рокот ракеты.

В один миг рассеянная женщина превратилась в разъяренную фурию, готовую убить за своего отпрыска.

– Да хрен их знает, – озадаченно ответил папаша.

– Вы не знаете, где ваши дети?! – голос перешел на визг.

– И че? Щас запустят эту, – он взмахнул руками, – и вернутся.

– Вернутся?! А если они там сгорели?!

– Типун тебе на язык, мадам!

Трясущимися руками гостья принялась листать смарт-косметичку, входя в сеть, выискивая нужную карту и сигнал сына.

– Беспризорные дети, – приговаривала она. – Дикость какая-то. Уму непостижимо. Беспризорники.

– На Петровских скалах они, – сказал отец Максима. – Тут и без навигатора понятно – ракета с той стороны взлетела.

– Такси! Такси!

Слова о беспризорниках не понравились маме Максима. Она вскочила с места следом за сестрами:

– Подождите! Я с вами!

– Не сходи с ума, – шепнул ей супруг, поймав за руку. – Максим уже взрослый, обидится, шо мы за ним бегаем.

– А если эту дуру придется держать? Глянь, как ярится. Я уж за сына боюсь, да и Валентиныча, может, защищать придется.

Муж почесал подбородок – мудрая женщина:

– И я с вами!

Программа была простенькой: разогнать спутник до первой космической, а потом, сделав виток вокруг планеты, включить самоликвидацию. Нанообшивка рассыплется в пыль и сгорит в плотных слоях атмосферы.

Визуализацию выключили через двадцать минут после выхода на орбиту. Встретили рассвет: голубая полоса по краю планеты расплзлась в стороны, и яркая вспышка – Солнце! – ударила в глаза, окрашивая поверхность Земли в перламутр. А еще послушали космический голос.

– Слышите? – тихонько произнесла Танька. – Такое впечатление, что на нашей планете вовсе нет суши. Планета Океан.

В эфире, словно глубоко под водой, ухало, гудело, переключалось голосом китов.

– Пошла запись, – откликнулся Илюшка. – Отключаем визуализацию через... Пять! Четыре!..

И стало темно, звуки исчезли.

– Ну, что ж, – Валентиныч улыбнулся. – Поздравляю! Программа успешно выполнена: у нас теперь есть своя ракета-носитель.

Покрытые пылью и сажей «космонавты» стояли перед ним в шеренгу, держа в руках визуалки, словно шлемы первопроходцев. Только лица белели в сумраке ночи. Земля вокруг стартового стола парила. Автоогнетушители еще плевались пеной, гася мелкие язычки огня в траве.

– Как, астронавт? – обратилась Танька к брату. – Понравилось?

Тот смущенно пожал плечами:

– Круто. Только... – Он совсем скис и виновато произнес: – Я нашим родителям позвонил.

– И что? – не поняла сестра.

– Да нас весь город видел! – отмахнулся Максим. – Чи не тайна.

Свет фар двух элмобиелей ослепил ребят. Хлопнули дверки салонов.

– Эдик! Эдик! – истошно завопила женщина.

– Все значительно хуже, – пробормотал Илюшка, высматривая среди взрослых своих родителей, и вздохнул с облегчением: не приехали.

Эдик втянул голову в плечи, словно ожидая удара. Женщина в вечернем платье подбежала к нему, упала на колени, обняла. Следом подошли родители Максима, Танькина мама и двое патрульных полицейских.

– Вы-то чего? – недовольно произнес Сим.

– Я тебе сейчас покажу «чего», – мать хлопнула сына ладошкой по плечу. – Ты как с родителями разговариваешь? Я тебе таких «чего» покажу – мало не покажется.

– Цыц, женщина! – заступился за Максима отец и к сыну: – Мы так... На попутке. Посмотреть, – он протянул руку, – поздравить.

Обнял Максима:

– Молодец, сын. Горжусь.

Сим покосился на Илюшку, взглянул на Таньку – девчонка восторженно рассказывала матери о полете, пока та вытирала перепачканные уши дочери.

– Тебя всю надо в ванну, – наконец сдалась женщина, – целиком, – и поцеловала в чистый лоб.

– Арестуйте этого человека! – мама Эдика указала на Дмитрия Валентиновича. – Он похитил моего сына! Он едва не убил детей! Арестуйте!

Патрульные подошли к учителю, козырнули.

– Здесь небольшое недоразумение, – спокойно произнес наставник. – Мы из малой академии наук. Работаем совместно с заводом беспилотных аппаратов и малой ракетной техники.

Лейтенант кивнул:

– Завод «Фиолент». Знаем, – открыл «газетку», сверил данные на Дмитрия Валентиновича, пролистал разрешение на запуск.

– Педофил! Маньяк! – не унималась мать Эдика, и второму патрульному, сержанту, пришлось преградить ей путь.

– Спокойно, гражданочка! Товарищ преподаватель может подать на вас иск за публичное оскорбление.

Женщина задохнулась от возмущения:

– И-иск? На меня? Вы знаете, с кем разговариваете? Я иностранка! Я свободный гражданин иностранного государства!

– Прекрати, мама! – воскликнул Эдик. – Перестань!

Женщина замерла с открытым ртом.

– Никто меня не похищал. Я сам пошел с ребятами и Таней.

– Молчи, сынок, молчи, – мать прикрыла ему рот ладонью. – Ты в шоке, я понимаю.

– Я летал вместе со всеми, – признался Эдик, отстраняясь. – Я вновь летал в космос!

– Нет-нет. Мы же с тобой все решили: космос не твое, – глядя сына по плечам, уговаривала женщина. – Мы же договаривались, помнишь?

Она обернулась к лейтенанту:

– Вот видите! Видите, до чего довели Эдуарда эти беспризорники!

– Давайте обойдемся без оскорблений, – попросил ее патрульный. – Как вижу, у этих детей есть родители. А документы на запуск в порядке, – он вновь козырнул учителю. – Извините, Дмитрий Валентинович.

– Ничего-ничего. Я понимаю.

– А если вы, мамаша, так боитесь за своего сына – держите его при себе, – заявил лейтенант.

Женщина удивленно взглянула на полицейского:

– И вы не предпримете никаких мер?

– А какие тут меры? – Лейтенант снял фуражку, вытер платком вспотевший лоб (в июле ночи жарки). – Можно только пожелать удачных стартов.

– Моего сына подвергли опасности, его сбили с толку какими-то дурацкими идеями о космосе! – она в отчаянье сжала кулаки. – Знаете, сколько пришлось ходить к психоаналитику, чтобы выбить из его головы эту блажь – космические полеты?

– Не надо, мама! – Эдик испуганно взглянул на сестру.

Танька стояла, прижав руки к груди, с ужасом глядя на происходящее.

– Нет! Я знаю, что нужно моему сыну! – Женщина вытащила из сумочки предмет похожий на «непроливайку», направила его на Эдика.

– Не делай этого, мама! Не надо! Я буду юристом! Я сделаю все, что ты захочешь!

Предмет тихо пискнул в руках матери – Эдик замер, поник, руки безвольно повисли вдоль тела. Мать, наоборот, воспрянула духом, поправила сбившееся платье.

– Я знаю, что нужно моему сыну, – твердо повторила она. – Он не будет расти беспризорником. Ко мне!

Эдик подчинился – безвольной куклой подошел, позволил взять себя за руку.

– Завтра ты забудешь, – она взмахнула носовым платочком, которым только что вытирала потекшую тушь, – весь этот бред.

– О, Господи, – выдохнула мать Максима, когда такси с иностранными гостями укатило прочь. – Вы видели, как она его... выключила? – Женщина поцеловала сына в макушку, взлохматила вихры. – Уж лучше ты у меня будешь лоботрясом.

– Я буду космонавтом, мам, – не вырываясь из ее объятий, ответил Максим.

Женщина вздохнула:

– Да хоть сантехником. Ты уроки сделал?

Наталья Кушнир Реконкиста

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои оранжевые ботинки с серебристым кантом. Аккуратно запааянные по шву, чтобы обеспечить полную герметичность. Стоял, не решаясь сделать шаг вперед. А когда наконец решился – ноги встретили пустоту. Он нелепо взмахнул руками. Тьма и холод окружили его со всех сторон, тонкий скафандр не продержался и минуты. Он отчаянно рванул забрало шлема, нелогично пытаясь получить хоть немного воздуха, но никакого забрала перед лицом не оказалось.

– Герман? Что стряслось? Ты во сне стонал, – Рина коснулась его плеча.

– Ммм, – он щелкнул пальцами, включая светильник над кроватью, недоуменно посмотрел на подушку, потом на руку. Рина поднялась на локте, щурясь на лампу.

– Воды принести?

Он прижал к носу салфетку, покачал головой:

– Да пустяки, Рина, руками доразмахивался, сейчас все пройдет.

– Дрался во сне, да? – улыбнулась она. – Даже и там борешься за справедливость.

– Вроде того, – рассказывать жене про сон не было ни малейшей охоты. Скажет ведь – «опять эти твои фантазии». Нет уж, пусть сама придумает, что там ему приснилось.

– А может, льда? – Рина поднялась было, чтоб пойти на кухню, но Герман покачал головой:

– Все в порядке, спи давай. Прости, что напугал.

– Да все хорошо. Ты и сам попробуй еще поспать, рано совсем. Хоть тебе завтра и не на работу, – зевнула Рина, убедившись, что Герман и правда уже сам справился со злополучной травмой. Он хмыкнул, завернулся в одеяло и закрыл глаза.

За утренним кофе Герман, как всегда, листал на планшете «USA Today». Английский давно не пригождался, но рабочие инструменты надо держать в порядке. Когда-то столько сил угрохал на язык – совместная работа обязывала. И сам зубрил, и уроки брал, а все не получалось. Пока Рина не появилась. Только-только начала работать, и тут же поставили сопровождать экипаж. У Германа это был первый полет. А для станции – один из завершающих. До сих пор жалко.

Взяв с тарелки бутерброд с сыром, Герман открыл новую страницу газеты.

«Беспорядки в Белфасте».

«Очередная вспышка вируса птичьего энцефалита. Сотни жертв».

«Сепаратисты требуют отставки правительства Южного Сингапура».

«Встреча в Шарлотвилле – “зеленые” готовы выслушать позицию протестующих».

«Россия объявляет о возобновлении космических исследований».

Заголовок, выскочивший на новой полосе, был настолько невозможным, что Герман невольно взглянул на календарь – нет, все же не первое, а двенадцатое апреля сегодня, не розыгрыш, стало быть. Вот же заотдыхался на пенсии, чуть профессиональный праздник не забыл, от бывших коллег новости узнаю. Да еще какие новости. Если только не ошибка журналистов – где-где, а в Сети такое не редкость. Все еще, к сожалению. Никакие технологии не помогают.

Герман мазнул пальцем по экрану еще раз. Нет, не ошибка. «Россия готова к новому космическому проекту». Он пробежал глазами заметку. Удивительно, но сейчас английские слова вспоминались как родные. «Выделены значительные средства на реконструкцию ракетно-космического комплекса. В университетах столицы и трех крупных городов

России объявлен набор в группы по специальностям «космонавт-исследователь», «космическая медицина» и «техник-космолетчик». Ветеранов космических программ приглашают на собеседование в Звездный городок».

Герман откинулся в кресле, рассматривая заголовок издалека. Вот бы Анджей порадовался. Он вздохнул. Жаль, не дожил друг его до добрых вестей. Эх, пан Кшесинский. Такая нелепая гибель – под колесами невнимательного водителя. Снова коммуникаторы эти чертовы, не заметил парень, что пешеход на зеленый свет шел...

Интересно, а что же ответят Штаты на такие инициативы России? Одной стране, пусть даже и окрепшей, не потянуть такое возобновление. Да и сколько времени займет возрождение утраченных технологий? Новых пилотируемых кораблей, насколько он помнил, к концу работы станции не придумали, а старые, российские, тоже вроде как свой ресурс выработали полностью. Были наши аппараты не особенно большими, зато надежными и быстрыми. Доставляли на орбиту трех человек, забирали космический мусор со станции и преспокойно сгорали с ним в атмосфере. Отличные были «рабочие ослики», одно плохо – практически ручная сборка. На поток их производство поставлено не было. А ведь уговаривали упрямых коллег, сколько раз сетовали, что надо бы унифицировать и модернизировать «осликов», – все без толку.

Ворчание коммуникатора отвлекло от грустных мыслей. Герман терпеть не мог громких звуков и всегда отключал звуковой режим вызова, заменяя его виброзвоном. Несколько удивившись – день был рабочий, кому он, пенсионер, сейчас мог понадобиться, – он выдал звонившему доступ к своему коммуникатору и надел наушники:

– Герман Станев, слушаю вас, – сообщил он в пространство, почти ожидая услышать очередное «мы желаем вам добра, дом утеплим на ура», – рекламные звонки стали особенно назойливыми в последнее время.

– Господин Станев? Здравствуйте. Меня зовут София Иванова, я секретарь начальника Центра подготовки космонавтов. Вы располагаете временем, чтобы приехать в Звездный завтра, к девяти утра?

Герман смял кусок белого хлеба в шарик и покатал его по стеклянной поверхности коммуникатора, пытаясь понять, правда ли он услышал то, что услышал.

– Здравствуйте. Да, располагаю. Но...

– Прекрасно, спасибо, ждем вас завтра. Мы пришлем машину в семь сорок пять. Пропуск уже заказан. До встречи, господин Станев, – дама в коммуникаторе не тратила времени на пустые формальности. Спасибо, хоть по фамилии обратилась. В последнее время даже и это считается избыточным, в ходу безликое «приветствую», да еще и не с заглавной буквы написанное, если доводится прислать кому электронное сообщение.

Хлебный шарик стал серым и очень плотным. Герман машинально продолжал мять его в пальцах, бездумно разглядывая коммуникатор. Черт, про дресс-код не спросил, но, видимо, придется отыскать в дальней кладовке форму.

– Герман, ты вставать соби... – Рина вошла на кухню, держа в руках охапку цветущей черемухи. Весна в этом году выдалась ранняя и очень дружная, только что похолодало – и вот, повсюду эта белая метель с горьким запахом. Герман улыбнулся, бросил хлебный катышек в мусор и полез в шкаф за вазой.

– Нет, как видишь. Давай воды налью.

Он повернулся, чтобы открыть кран. Как кстати. Проще спросить, не глядя в глаза.

– Послушай, Рина, а ты случайно не помнишь, где моя старая форма хранится?

Черемуховый снег рассыпался по полу. Жена перестала улыбаться и побледнела.

– Зачем она тебе, дорогой?

– Да так, – Герман нагнулся, чтобы собрать увешанные белыми гроздьями ветки и поставить их в вазу. – Позвали побеседовать. В ЦПК.

– То есть мы правда начнем сначала? Я слышала утром в новостях, но думала – так, громкие слова по случаю праздника. Неужели? Но обещаю тебе, что никаких полетов больше, Герман. Прошу тебя. В твоём возрасте...

– В моём возрасте, Рина, один весьма известный астронавт прекрасно совершил замечательное путешествие на станцию и вернулся цел и невредим, – сообщил жене Герман из-за веток черемухи. Та отняла у него вазу и сердито бухнула её на стол. По темному дереву столешницы рассыпалось белое конфетти лепестков.

Остаток дня Герман провел в молчании, приводя в порядок запущенный с осени сад. Подрезал ветки, сгрёбал сухие стебли травы, рыхлил землю. Забор в паре мест починил, три столбика врыл заново. Обрезал сухую сливу, снес ветки на задний двор и разжег большой костер. Рина больше ни о чем не просила, молча переставляла коробки в дальней кладовке. Потом принялась готовить ужин. Поели они в молчании. Потом она поднялась и вышла из комнаты. Герман вздохнул. Окно было открыто, и в комнате тревожно пахло жженым деревом. «Давно мы не ссорились, и вот поди ж ты...» – подумал он с тоской. Дверь скрипнула.

– Герман, примерь, пожалуйста, – тихо попросила Рина, держа в руках что-то темное, большое и почти забытое, – мне кажется, ты с тех пор несколько похудел.

Герман сгрёб жену в охапку вместе с идеально отглаженной формой летчика-космонавта и тихо коснулся губами родной макушки.

– Умница моя. Не бойся, никуда я не денусь. Поговорить позвали. Пока только поговорить. Мало ли, что им нужно.

Она прерывисто вздохнула и наконец-то посмотрела ему в глаза:

– Оденься, говорю, может, еще пуговицы перешивать придется. И не засиживайся сегодня долго, хорошо?

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои белоснежные ботинки с черным кантом. Аккуратно запаивая по шву, чтобы обеспечить полную герметичность. Стоял, ожидая напарника, а самому очень хотелось поскорее сделать шаг вперед. И когда напарник наконец-то показался в просвете люка, он не шагнул, а прыгнул, и почти сразу же больно ударился боком и рукой.

– Ой, – Рина быстро включила лампу, недоуменно рассматривая лежащего на полу мужа. – Что, после всех разговоров невесомость приснилась? Решил из койки выпрыгнуть, как на станции?

– Вроде того, – смущенно буркнул Герман, поднимаясь. Рина старательно смотрела на абажур лампы, чтобы не встретиться с ним взглядом. Сдерживалась, чтоб не рассмеяться. Да и права она, впрочем, – падать во сне с кровати не стыдно в семь. А вот в семьдесят семь уже несколько несолидно. Даже когда снится абсолютно реальный космос.

– Может, таблетку аспирина? – ровным голосом предложила она.

– Да нет, – пожал он плечами, не поддаваясь на провокацию, – думаю, дорогая, мы найдем более действенное обезболивающее. Из эндорфинового ряда.

Впервые за много лет он не завернулся в одеяло, чтобы просто уснуть рядом с женой.

Без четверти девять бодрый, подтянутый военный подал пропуск дежурному ЦПК.

– Герман Станев, меня ждут к девяти, – сообщил он молодому человеку в светло-сером костюме. Тот кивнул, возвращая Герману карточку:

– Благодарю вас, господин Станев. Следуйте за мной.

Кабинет начальника ЦПК был не слишком просторным. Но достаточно большим, чтобы шестерым людям, сидящим за большим столом, было удобно разговаривать. Трое мужчин и две женщины перестали рассматривать презентации на планшетах и поднялись, приветствуя вошедшего. Герман предполагал, что встреча будет «в верхах», но не расчи-

тывал, что увидит в ЦПК не только пригласившего его для беседы седовласого генерала Чеканина. Советника президента по космическим исследованиям и генерального директора крупнейшей частной ракетостроительной корпорации «МАХ-3» было нетрудно узнать по фотографиям в новостных выпусках, миловидная дама рядом с гендиром оказалась главой реорганизованного недавно института космической биологии, а совсем юная девушка, видимо, переводчик, решил для себя Герман. На представление участников заседания время давно перестали тратить – титулы и имена легко прочесть в презентациях.

– Господин Станев, доброе утро, – начал генерал Чеканин, пожав Герману руку. – Благодарим, что вы смогли принять наше приглашение. Прошу садиться, господа. Итак – Герман Станев, бортинженер одного из последних наших пилотируемых полетов на МКС-4, суммарный налет 311 суток 20 часов 00 минут 54 секунды.

Дама из ИКБ уважительно кивнула, а девушка тут же повернула к ней свой планшет. Видимо, проверяла какую-то информацию. Переводчики часто переспрашивают, особенно цифры. Герман это хорошо знал.

Начальник ЦПК нажал несколько кнопок на своем планшете, окна затемнились, и началась очень официальная, сухая и торжественная презентация, сильно стилизованная под прошловековые выступления эпохи СССР. Герман пытался отслеживать логику происходящего, но скоро потерялся в помпезных фразах: «Новая миссия человечества», «передовой фронтир», «время вернуть себе космос», «еще один шанс плодотворного сотрудничества» звучали громко и не несли в себе никакой полезной информации. Да, похоже, мы правда начинаем заново, но зачем и почему?

Кое-как дождавшись, пока смолкнет «протокольный» голос диктора из динамиков, Герман посмотрел на генерала Чеканина.

– Вопросы? – осведомился тот у всех присутствующих, но Герман мог поклясться, что все, кроме него, и так знали обо всем. Он тоже промолчал, решив выяснить все позже.

– В таком случае, – продолжил генерал, – слово за вами, господин Станев. Мы позвали вас сюда, чтобы вы помогли возродить нашу программу освоения космоса. Возглавив создаваемую заново комиссию по полетам.

Предложение оказалось столь же неожиданным, сколь фантастически интересным. Герман, стараясь не выказывать своего крайнего изумления, выдержал нужную для размышления паузу и склонил голову:

– Я буду счастлив принять ваше приглашение, господа. Правда, с одним условием: первый корабль новой серии поведу я сам.

Генерал сдвинул брови.

– Ожидаемо. Мы высоко ценим ваш опыт и знания, которые вы можете передать молодым космонавтам и астронавтам. В особенности – ваши навыки экспериментатора. Но не считите за бестактность. Вам – семьдесят семь лет, господин Станев.

Герман пожал плечами:

– Это отличный возраст, господин генерал. И прецедент уже создан.

Советник и гендир переглянулись, а девушка заалела щеками и подалась вперед, желая что-то сказать, но осеклась, посмотрев на даму из ИКБ. И тут же снова принялась что-то разыскивать на планшете. Генерал упреждающе поднял руку:

– Мы вернемся к этому вопросу, господин Станев. Оставим последнее слово за медициной.

– С медиками не поспоришь, – признал Герман. – Хорошо, я согласен.

По весне Звездный был особенно хорош. И старинный, любовно сохраняемый памятник космическим первопроходцам серебрился высоким обручем у Дома Космонавтов, среди цветущих деревьев. Не зря сначала хотели назвать городок Зеленым.

Герман подошел к каменному космонавту, уверенно летевшему через символический люк не то в открытый космос, не то в один из отсеков станции. Коснулся серебристой перчатки.

– Тебе-то вот никто не запретит полеты, – сообщил он статуе. – А ведь скоро сто лет, как летаешь. И никому дела нет.

Как всегда, перед тем, как начать большую, ответственную работу, от космонавта Герман прошел прямо к памятнику Гагарину. Постоял молча и отправился домой. Жизнь набирала обороты, и пора была подумать о планах на будущее.

Полгода спустя Звездный встряхнулся и помолодел. Новый отряд космонавтов, набранный за каких-то два месяца, приступил к тренировкам очень быстро. Герман теперь был занят настолько, что иногда приходил домой только ночевать. Его видели то в ЦУПе, то на учебных занятиях в ЦПК, то на заседаниях Совета по космическим технологиям.

С расчищенного и возрожденного космодрома Североморска уже производились пробные запуски многоступенчатых ракет. Пока что беспилотные, но все знали, что очень скоро в космос вновь отправится первый после долгого перерыва экипаж.

Команды ЦУПов проводили длительные тренировки. Рина без труда прошла повторную сертификацию переводчика и теперь работала в привычном ритме: шесть недель в России, шесть – в Штатах. Как и не было пропущенных десятков лет. Ночные смены, синхронный перевод по трем каналам связи, привычные здания: ЦУП-Москва и ЦУП-Хьюстон, в которых и днем и ночью было одинаково светло. Вот только кофе стал существенно лучше, шутили ребята в синем зале – аналоге российского ГЗУ, главного зала управления. Еще бы – в любимой всеми столовой ЦУПа теперь вместо старой, всем надоевшей еще в прошлом веке кофеварки стоял отличный итальянский автомат «Бариста».

И, разумеется, вспомнили старые традиции, придумали новые. Не обошлось и без суеверий. Рина достала из заветной коробочки маленькую игрушку-талисман – пластмассового броненосца по имени Потемкин. Много лет назад она брала его с собой в ГЗУ для храбрости, а потом оказалось, что без Потемкина тренировку начинать уже как-то нехорошо. Так и прижился он в ГЗУ, вместе с плюшевым сурком. У сурка было важное дело: носить шарфик для значков с эмблемами экспедиций. Теперь сурок в своем шарфике давно обитал в Музее космонавтики в Хьюстоне, а талисманом новой космической программы предстояло стать победителю недавно объявленного детского конкурса. Эмблемы же для новых экспедиций, по давней традиции, предлагалось создавать самим космонавтам.

Новая программа освоения космоса широко освещалась всеми новостными каналами Интернета. Сначала ее называли звучным словом «Реконкиста». Но Герман, привыкший к емким аббревиатурам, довольно быстро предложил сократить красивую «Реконкисту» до «РКК» – так и прижилось.

Взяв самое лучшее из старой программы космического сотрудничества, Россия и США действительно быстро шли вперед. Герман больше не задумывался о причинах возобновления совместной работы – честно говоря, было совсем не до того. Дата пуска первого экипажа приближалась, а состав все еще не был утвержден. И Герман вовсе не был уверен, что ему удастся переубедить комиссию. Медики дадут добро – это он знал точно. Он в прекрасной физической форме, ни одного «подводного камня». Тело – еще один рабочий инструмент, как и английский язык. А инструменты следует держать в порядке.

За два дня до решающего заседания комиссии Герман взял отпуск. Как раз и Рина оказалась в России. В последние полгода им редко удавалось совместить графики и оказаться рядом. И вот – долгожданный вечер вдвоем.

Накрапывал легкий дождик, аллеи в Звездном золотились осенними переливами красок. Герман и Рина гуляли по дорожкам парка. Говорить не хотелось. Было достаточно просто быть рядом.

– Ой, – вдруг шепнула Рина, – смотри: ежик.

В кустах возле дорожки действительно деловито возился крупный еж. Герман присел было на корточки – поймать и полюбоваться, но вдруг расхохотался:

– А помнишь, как ты мне чуть полет не сорвала своими ежиками?

Рина посмотрела недоуменно, но тут же и сама рассмеялась:

– Слушай, а ведь и правда! Я тогда так обрадовалась, что его поймала, дай, думаю, ребятам покажу. В Америке они же редкость. Капюшон от плаща сняла и в капюшоне в пансионат притащила. А у вас карантин уже был.

– Угу, – кивнул Герман, напуская на себя суровость. – Обошлось, никто его потрогать не успел. Сама сообразила, молодец.

– Да еле утащила, слушай. Дин уже совсем собирался с ним целоваться, вот бы было дело, если бы вам полет перенесли из-за этого?

– Ну, не перенесли же, – Герман посмотрел вверх, на сходящиеся аркой ветви деревьев. – Хотя... Давай уговор: я ни гу-гу про ежей, а ты – про мой полет?

Рина нахмурилась. Вздохнула:

– Удержишь тебя, как же. Пусть завтра повезет.

Завтра настало слишком быстро. Герман считал, что он предусмотрел все. Но к столь бурным дебатам оказался не готов. Вот ведь два вечных камня преткновения – безопасники и медики. И ничего не меняется, ровным счетом ничего. Как раньше ругались, разве что на клочки друг дружку не рвали, так и сейчас. С безопасностью станции вроде бы удалось разругать, а вот с медициной все сложнее, да еще когда к ней политика примешивается... Это вам не совещания на высшем уровне, когда все плакатно, протокольно и политически корректно. Чего только не наслушаешься.

«РКК – программа совместная. Если мы даем согласие на русского командира экипажа, то оба члена экипажа должны быть американцами».

«Но это неравноценный обмен, господа!»

«Не хотелось бы напоминать про возраст. И про то, как астронавты зовут главу программы».

«Ну, зовут они его «Прадед», подумаешь. Герман в отличной физической форме, не все молодые космонавты столько раз подтянуться могут. Про выносливость и общую подготовку и говорить нечего».

«Поддерживаю! С медицинской точки зрения все в порядке. Но нельзя исключить непредвиденное развитие событий на орбите. Поэтому ИКБ настаивает на том, чтобы оба члена экипажа имели медицинское образование».

Когда объявили перерыв, Герман вышел первым. Комиссия попросила полтора часа на последние размышления. Герман подумал и ушел из представительского здания. Хотелось простой, настоящей работы. «Отвезите меня в ЦУП», – попросил он водителя служебного транспорта. Тот понимающе кивнул.

В ЦУПе шла обычная тренировка, и, как всегда, пришлось долго ждать лифта. Наконец-то он доплелся до первого этажа, и из него выкатилась шумная компания молодых людей с видеотехникой. Один из парней показался знакомым, но Герману было некогда раздумывать, где он мог его видеть. Скорее всего, в отряде. Кому-то покрасоваться захотелось. Сюжет для видеоблога, поди, снимали.

Герман достал платок и вытер пот со лба. Коммуникатор вжикнул коротко – сообщение. Новости дня, все та же любимая «USA Today». За последние полгода Герману стало

совсем просто общаться на двух языках сразу, как будто так и надо. Он взглянул на заголовок: «Состав экипажа определен». Стиснул зубы и открыл текст.

«Прения по составу первого экипажа РКК шли несколько часов. Наконец, придя к предварительному соглашению, комиссия готовится к утверждению кандидатов», – дальше дочитать не удалось. Но свою фамилию Герман успел увидеть. Выдохнул и поехал за кофе к «Баристе». А по пути вспомнил, что за парень встретился ему в лифте. Восходящая звезда Голливуда, Стенли Райз. Там как раз начали съемки первого за многие годы космического блокбастера про станцию «Мир». И он в одной из главных ролей. То-то посмотрел так обиженно – не привык, видимо, чтобы его не узнавали. Забавно получилось. Надо Рине рассказать.

На объявление результатов комиссии Герман успел вовремя. И удивился, увидев старых знакомых: Инну Дугину, ту самую даму из ИКБ, а рядом с ней – девушку-переводчицу. Ну, сейчас-то она тут для чего?

Дама из ИКБ поднялась, протягивая руку:

– Поздравляю вас, господин Станев. Комиссия утвердила вас как первого командира экипажа. Есть ли у вас предпочтения по составу команды?

Герман вздохнул. Был бы жив Анджей, были бы предпочтения. А сейчас...

– Я смогу сработаться с кем угодно, госпожа Дугина. Полагаюсь на выбор комиссии.

– В таком случае мы назовем кандидатов сами. Бортинженером станет Кристоф Кшесинский, недавний выпускник медицинской академии Балтимора, США. А космонавтом-исследователем – доктор Мария Нестерова из ИКБ. Мы надеемся на плодотворное сотрудничество.

Герман подумал, что иногда стоит читать презентации на этих чертовых планшетах, а не доверять собственному воображению. А он-то решил – переводчица. И оба – не из отряда космонавтов, надо же. Но он сам сказал, что готов на любой состав. Позвольте, Кшесинский? Сын Анджея? Кшись? Но почему мне не сказали раньше? Вот это сюрприз!

Во время подготовки к полету очень много времени уделялось экспериментам. И освещали их в новостях тоже крайне подробно. Герман даже начал злиться – неужто вся программа РКК затевалась ради того, чтобы растить трехмерные кристаллы белка? Как будто это дело первостепенной важности. Но спорить не приходилось, тем более что растить кристаллы он умел и любил. Мария и Кристоф довольно быстро научились технике эксперимента в условиях земного притяжения, но вот повторять ее в невесомости пока что не выходило. Приходилось брать дополнительные часы на тренажере, то в нулевой плавучести, то в «двухэтажном» самолете. У Марии, серьезной и основательной, успехи появились раньше, а Кристофу порой мешала излишняя уверенность в собственных силах. Но постепенно удалось и наладить работу по выращиванию белков, и создать настоящую команду. Герман был доволен. К старту успели почти все.

В последний вечер перед стартом решили посмотреть «Белое солнце пустыни» и сыграть в подкидного дурака и в «Далекий путь Опоссума», объединив традиции обеих стран. Пока не удалось оставить командира дураком трижды, игру прекращать было нельзя.

– Почему? – поинтересовалась Мария серьезно. – Раньше считалось, что командир трижды дурак, да?

– Да нет, – рассмеялся Герман. – Просто традиция. Положено так. Было. Не хочется нарушать обычай, раз уж мы возвращаемся. Сдавайте карты, барышня.

«А вот еще одну традицию мы в новую программу не возьмем», – подумал он, решив не рассказывать ребятам совсем уж древнюю легенду про автобус перед стартом. – «Тем

более что теперь нас туда не автобусом доставлять собирались, а спецвертолетом. Неудобно получится».

– Прадед, а правда, что раньше космонавты перед стартом... – Кшись внезапно осекся, покраснел и замолчал. – О, смотрите, у меня последняя карта! Все, командир трижды дурак, ложимся спать!

Видимо, двойные традиции помогли: «Белое солнце» и две правильно сыгранные партии в карты обеспечили отличный старт и плавный вход в работу. Невесомость встретила всех троих ласково – редкий случай, не пришлось терять время на адаптацию. Кшись, правда, немного пострадал, но освоился примерно через сутки. Марии вообще не пришлось привыкать, да и сам Герман на удивление быстро вошел в рабочий режим. И с удивлением узнал, что эти окаянные кристаллы и впрямь основная цель миссии. В ИКБ сумели показать, что белок, принявший невозможную в земных условиях конфигурацию, обладает совершенно иными свойствами и на его основе возможно создать эффективную вакцину от того самого фульминантного птичьего энцефалита, который успел погубить значительную часть населения Земли.

В первую ночь на орбите, закрепив гамак на стене модуля, Герман впервые счастливо улыбнулся, засыпая.

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои ярко-синие ботинки с золотым кантом. Аккуратно запаянные по шву, чтобы обеспечить полную герметичность. Стоял и улыбался. Потому что внизу, по новой, только что открытой планете, ходил Кшись. И под его ногами земля из серой и безжизненной становилась совершенно земной – зеленой и радостной.

Он сделал всего один шаг.

Ноги утонули в мягком зеленом ковре.

«Добро пожаловать на Ка-Ро-Эл-Один», – произнес приятный голос.

Герман улыбнулся еще шире и понял, что просыпаться ему совсем не хочется.

Олег Дивов На три буквы

В начале было слово, и слово было в небе, и слово было МАШ.

Обалдевшая Москва тарашилась вверх, где по черному небосводу летел квадрат цвета слоновой кости, а на нем ярко горели три красные буквы. По всему городу визжали тормоза, доносились глухие удары металла о металл. Публика на тротуарах стояла, как загипнотизированная.

Жаботинский закрыл окно, вышел в общий зал и рявкнул:

– Внимание! Кто с кем договаривался насчет... – он ткнул пальцем в потолок. – Звоните, обещайте денег, обещайте что угодно, но пусть забудут про нас. И пусть сотрут наш пресс-релиз. Его не было. Ничего не было. Мы в этом не участвуем. Мы знать не знаем компанию «ПАКС» и вообще не интересуемся космосом. Как созвонитесь – бегом по домам и сидеть тихо! И не дай бог...

– Ину! – крикнули ему в ответ.

Он бросился к окну.

В вечернем небе над столицей висело новое ярко-красное слово.

И слово было ИНУ.

Жаботинский застонал.

Он в общем и целом сразу понял, что никакое это не начало, а форменный конец. Да такой, что загляденье просто. Случаются концы бесславные, а наш – с поистине космическим размахом. Гроб с музыкой. Пафосный, даже в некотором смысле изысканный конец деловой репутации рекламного агентства «А1» и его директора персонально. Годы пройдут, а коллеги будут говорить: «Помнишь, как накрылся Саша Жаботинский? И ведь неглупый был мужик...»

За тридцать лет в рекламе Жаботинский научился самые невероятные проколы выставлять подвигами, но тут он просто не видел шансов.

Прилетели, называется.

Проблемы с космической автоматикой у русских традиционные, давно и хорошо изученные, они не менялись со времен первых «лунников» – то гайка завернута от руки, то пиропатрон залили эпоксидкой, то по электронному блоку летает забытая шайба, а то и сам этот блок стоит с переворотом на сто восемьдесят градусов, да еще ласково обстукан киянкой, потому что не лез в гнездо.

Если просто отвалилась пайка, это даже как-то не по-нашему.

Поэтому, когда солнечный парус раскрылся на орбите штатно, но проектор системы контроля отчего-то не включился, Жаботинский сказал себе: «А ведь я молодец». Ни одной утечки, никаких слухов. Полет экспериментального парусного корабля начался успешно. По ночам в небе пролетает светящийся квадрат размером с полную Луну, красота-то какая, радуйтесь, люди.

Ну да, гладенький такой, равномерно освещенный квадрат. А вы какой хотели? В клеточку? В горошек? В цвет российского флага? Ну извините, в следующий раз. Спасибо за идею, мы подумаем.

Обошлось, в общем.

А все потому, что Жаботинский с юных лет интересовался космосом и более-менее представлял, до чего у нас хитрая автоматика. И уговорил всех-всех-всех, начиная с яйцеголовых из «ПАКС» и заканчивая рекламодателями, подписать совершенно зверские бумажки

о политике конфиденциальности. Конкретно – о том, что никакого предварительного пиара у нашей затеи с нестандартным использованием проектора не будет. Рассказывайте про парус что угодно, а о проекторе и его задачах лучше вообще ни слова. Хвалиться начнем строго после события, если получится. И тогда мы – ух! Пошумим. Но заранее – не надо. Вдруг сглазим.

В итоге вышло так, что Жаботинский фактически засекретил сам проектор, которым ребята из «ПАКС» отдельно гордились. Случилась некоторая ругань, но Жаботинскому было крепко за полтинник, он на «связях с общественностью» съел, по собственному заверению, очень большую и очень невкусную собаку и попросту задавил молодежь авторитетом.

Проще всего оказалось договориться об игре в молчанку с «Роскосмосом». Там сидели те еще пиарщики в штатском, и они тоже столько дерьма съели за свою долгую скучную жизнь, что дай им волю, о самом существовании «Роскосмоса» никто бы не узнал никогда, а кто узнал бы, тут и помер. Они и молодым-горячим из «ПАКС» намекнули, что автоматика – штука тонкая, и если у вас прибор красиво работает на испытательном стенде, радоваться пока еще нечему. Это ж прибор. Может, он с утра хорошо себя показывает, а ночью – повиснет.

Частная компания «Прикладные Аэрокосмические Системы» начинала с микроспутников, потом стала запускать много микроспутников, а дальше загадочным образом в обход авторитетных и влиятельных конкурентов получила грант на солнечный парус – короче, у компании были свои духовные скрепки, заколки и булавки, и вякать против мнения старших товарищей она не стала.

Но, естественно, когда проектор накрылся, «спасибо» дальновидному и предусмотрительному Жаботинскому никто не сказал.

Никто не оценил четкости его работы: а ведь особый пресс-релиз агентства «А1» лежал у специально подготовленных и замотивированных людей в информационных агентствах как секретный пакет – в опечатанном конверте, по одному бумажному экземпляру на человека. И фиг кто вскрыл пакет без разрешения.

Да, было очень грустно и обидно, что накрылась красивая затея, украденная прямиком из классической фантастики «прокосмос»; но главной беды не случилось – никто не знал, как мы облажались.

Жаботинский поглядел на часы, прикинул в уме, как МАШ и ИНУ ложатся на «график проходов» корабля над Москвой, и решил пока не впечатляться. Авось пронесет.

Долбаный проектор, долбаная «ПАКС» с ее сверхнадежной автоматикой, долбаные программисты за штуку баксов...

В наушнике тренькнуло, он нажал кнопку, услышал взволнованный голос и сказал так убедительно, что даже сам себе поверил:

- Я твой должник по гроб жизни, если ты – никому и ничего.
- Что это вообще такое?
- Угадай с одного раза.
- Похоже на обрывок слогана. Хотели на парусе рекламу показывать?
- Естественно, – процедил Жаботинский. – Но как ты сейчас понимаешь, это не мы. Я буду все отрицать. И ты тоже! Если ты мне друг, конечно.
- Черный пиар – тоже пиар, – напомнили ему.
- Это сказки для лохов. Нам такой пиар не нужен. И выкинь наш пресс-релиз, ты его не видел.
- Саш, ты подумай, вас же все равно застучат рекламодатели.
- Какие? МАШ и ИНУ?
- Но ведь дальше что-то будет... Или не будет?

– Если не сумеем вырубить эту адскую машину, дальше может быть что угодно, – заверил Жаботинский. – Но мы тут ни при чем.

– Ну... А что случилось-то, ты понимаешь?

– Да ничего особенного. Там стоит проектор, совсем не для рекламных целей, конечно, и он время от времени должен подсвечивать парус. И вот он, падла, включился. С опозданием на неделю. А у него программа шибко умная, она кучу параметров обсчитывает, и по моему... Слушай, это долго объяснять, давай так: у меня когда будет конкретика, я все тебе расскажу, строго по секрету, а дальше ты сам пользуйся.

– Погасло!

Жаботинский покосился на часы.

– Четко работает, сволочь. Когда не надо... Жди продолжения шоу через полтора часа. Могу даже намекнуть, что за слово полетит.

– И?..

– ВБА.

– Как?

– Передаю по буквам. Все. Будет. Афигенно.

– ВБА. А почему?

– По кочану, – отрезал Жаботинский.

– Я могу – со ссылкой на неназываемый источник?..

– Моги.

– А чего так странно... Кому надо показывать слоган по три буквы? МАШ... ИНУ... ВБА... Зачем?

– Затем, что я идиот, – сказал Жаботинский. – Потому что таких не берут в космонавты. Потому что все у нас через задницу, даже на орбите. Спокойной плазмы, товарищи, трам-тарарам...

В общем зале стоял деловитый гул: народ прилип к телефонам. А ведь это агония, подумал Жаботинский, напрасно мы трепыхаемся, нас и правда сдадут рекламодатели. Несмотря на все бумажки про конфиденциальность. Совершенно конфиденциально, на уровне намеков – сдадут. Вот как я сейчас намекнул. Умному – достаточно.

Вот ты какой – славный конец.

У маркерной доски оживленно шушукались психолог с арт-директором. Первый трещал клавишами бухгалтерского калькулятора, второй бодро черкал по доске фломастером. Жаботинский вспомнил, что на психфаке сдают высшую математику, а арт-директор кончал физтех, – и пошел к ним.

– Гляди, начальник, что у нас вырисовывается.

Жаботинский присмотрелся и молча кивнул. Он сам уже высчитал примерно то же, без вычислительной техники и профильного образования. Каждый модуль светится по минуте. Следующий проход корабля над Москвой длинный, больше трех минут. Значит, будет ВБА-СТИ-ОНЕ. Ну и славно. «...Машину в “Бастионе”, слоган кончился. Дальше проектор должен, по идее, показать настроечную таблицу контроля паруса, ради которой и был установлен на корабле. Но что решит программа? Очень умная программа за штуку баксов, сляпанная на коленке безвестным фрилансером, которая сейчас старательно дробит слоган по три буквы, чтобы его было хорошо видно.

Из самых лучших побуждений, трам-тарарам.

– Шли бы вы по домам, ребята, – сказал Жаботинский.

– А ты?

– А что я... Корабль тонет, а я капитан!

В ухе снова зазвонило.

– Я твой должник по гроб жизни, если ты – никому и ничего! – сообщил Жаботинский невидимому собеседнику и направился к себе в кабинет.

Психолог и арт-директор проводили начальника взглядами, полными сочувствия, переходящего в благоговейный ужас.

На корабле стояло до черта всякой аппаратуры, о назначении которой Жаботинский благоразумно не задавал вопросов. Парус считался задачей важной, но вторичной. Такого большого паруса никогда еще не делали, «ПАКС» должна была отработать раскрытие, управление, контроль состояния, экспериментально замерить тягу и так далее. Парус был настолько здоров, что теоретически, если ничего не развалится и корабль проболтается на орбите по-настоящему долго, можно набрать вторую космическую скорость и улететь, но через сколько лет – десять или сто, – мнения расходились.

Чтобы считать дырки от метеоритов и проверять общее состояние паруса – равномерно ли натянут, не морщит ли где, и так далее, – к кораблю привинтили штуку под условным названием «проектор». Время от времени она передавала на парус нечто вроде настроечной таблицы. Оптика считывала таблицу, компьютер анализировал – простенько и остроумно.

Старый друг и бывший сокурсник Гена, которого Жаботинский называл для ясности «космическим инженером», именно так и отозвался об этой системе – типа, простенько и со вкусом, ловкие ребята.

Выпили они к тому моменту, как на грех, уже прилично.

«Проектор, значит... – сказал Жаботинский. – А большой парус-то, хорошо будет видно его?.. Ага... А чей кораблик, как мне найти этих ловких ребят?»

Через две недели он пришел в «ПАКС» со старым другом и сокурсником Петей, которого для ясности звал «наш человек в ЦУПе», и принес «презентацию» – лист ватмана два на пять с наложением траектории корабля на поверхность Земли и черновой раскладкой, где и в какое время парус будет виден в самом выгодном ракурсе, чей логотип надо в этой точке показывать и сколько денег за это брать.

Ловкие ребята малость обалдели, но Петя им объяснил: без паники, это наш человек в рекламе, старая школа, хе-хе, тоже Бауманку кончал.

Деньги ломились внушительные, а главное, сама идея-то какая.

Отойдя от первого шока, «ПАКС» превозмогла естественную жадность и начала вносить коррективы. Во-первых, ресурс проектора ограничен мощностью солнечных батарей. Во-вторых, раз такое дело, нефиг играть на руку геополитическим конкурентам, ищите рекламодателей среди наших. В итоге договорились о том, на что Жаботинский рассчитывал как на программу-минимум, – окучиваем московский регион.

Тут у Жаботинского включилась паранойя, и он сказал: делаем все тихо, а то не дай бог автоматика откажет.

Как в воду глядел.

На звонки, письма и сообщения в личку «ПАКС» не реагировала. Жаботинский позвонил Пете.

– Это ты удачно, – сказал тот. – «Паксы» как раз все тут. Ждут, как пойдет на следующем витке.

– А как пойдет? – спросил Жаботинский с замиранием сердца.

– А никто не знает, – жизнерадостно ответил Петя. – Они не могут выключить эту хрень, команда не проходит. Да по большому счету и не надо ее выключать. Наоборот, хорошо, что заработала. Рано или поздно она начнет показывать таблицу.

Жаботинский хотел снова застонать, но подумал, что многовато он стонет нынче, и просто вздохнул.

– Я тебя понимаю, – сказал Петя. – Но ты ж прикрылся вроде.

– Я накрылся, – сказал Жаботинский. – И, наверное, закрылся.

– Что, все так плохо?

– Будет. Печенкой чую.

– М-да... Тут руководитель полета чисто из интереса спрашивает: чего еще покажешь народу?

– У «паксов» есть список, – процедил Жаботинский. – Но раз сам руководитель... Следующий проход – длинный, будут три модуля, ВБА-СТИ-ОНЕ. В Бастионе. И, по идее, на этом все. Дальше программа должна показать таблицу. Но тут уж как она сама решит. Я боюсь, она захочет показать весь рекламный пакет с самого начала, раз он целиком не прошел. У нас там заряжено шесть логотипов и этот дурацкий слоган компании «Бастион»... Он был как раз в конце пакета.

– Что за программа такая... Своевольная?

– А это ты «паксов» своих спроси! – рявкнул Жаботинский. – Я должен был ее заказывать и тестировать, я! А они сказали: идите, дядя, на фиг, вам не положено, у нас своя программа есть, мы прямо в нее ваш пакет вкорячим, и все будет офигенно!

– Да расслабься ты, – попросил Петя. – Выпей успокоительного и не дрейфь. Я тут на посту, тебе буду докладывать.

– Спасибо... – только и сказал Жаботинский. – А этим гаврикам передай... Да ладно, ничего не надо. Они сами себя наказали. Но я бы знаешь что сделал на их месте? Свернул парус. А потом развернул.

– На фига? – удивился Петя.

– Не знаю, – отрезал Жаботинский.

И полез в шкаф за успокоительным.

Через полтора часа, когда над Москвой зажглось красное ВБА, Жаботинский сидел в кресле, баюкая бутылку коньяка, из которой не сделал ни одного глотка. Он ее просто так держал, для уверенности, что можно в любой миг высосать пузырь одним глотком и впасть в забытие.

Фразу «я твой должник по гроб жизни» он произнес к тому моменту еще трижды. Персонал «А1» был разогнан по домам. Над городом сгущалась ночь.

В социальных сетях росли конспирологические теории, одна другой нелепее. Информационные агентства за неимением лучшего тиражировали эту ахиною.

Ни один контрагент Жаботинского до сих пор его не сдал. Это было, черт возьми, здорово. Но все равно Жаботинский умирал со стыда.

Надо было настоять на своем. Надо было требовать. Надо было биться. Печенкой же чую – накосячат они с программой.

Когда неделю назад проектор не включился, «паксы» начали разбираться, в чем ошибка, что именно сбоит. Как всегда в таких случаях, шли по цепочке, от простого к сложному. Грешили в основном на электрику, но попутно трясли и программистов. Выяснилось, мягко говоря, не страшное и даже не ужасное, а как всегда.

Программное обеспечение проектора делали по остаточному принципу, в последний момент. Взяли половину отпущенных на это финансов – и дали хорошим ребятам под честное слово. Хорошие ребята задачу проволынили и, чтобы сдержать слово, перекинули ее вместе с половиной денег своим друзьям. А друзья, опять уполовинив сумму, наняли крутого хакера, способного за день сляпать на коленке что хочешь. Но до крутого хакера дошли уже такие жалкие огрызки, что он решил пожалеть свое колено – и нанял за штуку баксов фрилансера из Мухосранска.

Программа-то у фрилансера вышла ничего себе. Как и просили, она обсчитывала кучу переменных – высоту орбиты, угол наклона паруса, уровень его освещенности и так далее, – и соответственно настраивала проектор. Решала, попросту говоря, задачу «чтобы оптика четко видела настроенную таблицу» и попутно – «чтобы людям снизу было хорошо видно рекламу невооруженным глазом».

Жаботинский, услышав это все, начал бояться сразу.

«Паксы» чисто для профилактики расквасили нос своему ведущему программисту, отняли у него деньги и сказали Жаботинскому, что бояться, в общем, нечего. Все нормально. Тем более, ничего не работает.

Жаботинский начал бояться еще сильнее.

Печенка у него была чувствительная и подсказывала, что добром это не кончится. «А1» окучила семерых рекламодателей. Возвращать им солидные суммы предстояло «ПАКС», а агентство Жаботинского сидело на процентах, которые по договорам вообще не попадали под форс-мажор. Но всем было сказано, что вопрос в случае чего – решаемый. Рекламодатели отнеслись с пониманием. Дело такое – космос, автоматика... Тем более, экспериментальный корабль. Гайки, пайки, скрутки, прокладки, что угодно может накрыться.

Пожалуй, одно утешало Жаботинского – что не будет на орбите «Бастиона» с их слоганом. Шесть компаний дали логотипы, а «Бастион» уперся: хотим лозунг, и все тут. У вас один длинный проход на три минуты – как раз на три слова. Да, мы понимаем, что их будет трудно разглядеть даже по одному. Но если навести смартфон и слегка увеличить – самое оно. В этом и фишка, понимаете? Люди не ценят то, что бросается в глаза. А здесь включается элемент игры, элемент сотворчества. Будет качественное глубокое внедрение слогана... Жаботинский согласился.

Ну вот, доигрались.

Довнедрялись.

По самое не могу.

ВБА-СТИ-ОНЕ отгорело над Москвой, а Жаботинский так и не выпил, потому что обзванивал рекламодателей, умоляя их не делать поспешных выводов и резких движений, – когда в ухе зазвенело опять.

– Тут есть внезапная идея... – сказал Петя. – Попробуем одно радикальное решение.

– Что, все так плохо?

– Руководитель полета нервничает, скажем так. И начальство тоже... Волнуется. И некоторые компетентные ведомства. Короче, все на ушах стоят. Один Главный не нервничает, ему уже просто смешно.

– Уфф...

– Да погоди ты. Они попробуют сложить парус на всякий случай. На этом витке.

Жаботинский тяжело засопел.

– Ты чего? – удивился Петя.

– Ничего...

– Сложить парус – отличная мысль. Непонятно, как сразу не догадались, еще неделю назад. А тут, слава богу, пришел Главный и говорит: идиоты, сверните парус, а потом снова разверните, это должно перезагрузить всю систему...

– Ты наш разговор полтора часа назад совсем не помнишь?

– Честно? Совсем. Тут такая свистопляска... Извини. А это важно?

– Да, в общем, уже нет.

– Выпил успокоительного?

– Сейчас попробую.

– Ну вот и молодец, – сказал Петя и отключился.

Жаботинский выдернул пробку из бутылки, понюхал коньяк и отставил на стол. Он еще не достучался до «Бастиона», а стоило бы.

Ну чисто узнать, сколько возьмут деньгами, чтобы ноги ему не переломали сгоряча. Хотя могли и заказать уже.

Еще примерно через полтора часа, когда в небе загорелось слово ЗАС, незнакомый ласковый голос в наушнике проворковал:

– Александр Самуилович? Добрый вечер. Меня зовут Иван Иванович, мне ваш номер дал Петр Андреевич. Это сугубо частный разговор, нам просто нужна от вас небольшая консультация...

Жаботинский закашлялся.

– Ч-чем могу?..

– Насколько мы знаем, команда на свертывание паруса не прошла.

– Вот как...

– Да, такая неприятность... Парус будет виден сегодня еще два раза. Сейчас две минуты и в полночь – совсем коротко, минута двадцать секунд. Я правильно понимаю, что каждый, как вы это называете, «модуль» высвечивается по минуте?

– Верно. Два модуля сейчас, один в полночь.

– Вы не могли бы уточнить, как полностью звучит этот слоган?

– Компании «Бастион»? – уточнил Жаботинский.

– Да. Именно.

Жаботинский набрал в грудь воздуха.

– «Застрахуй машину в “Бастионе”».

На том конце линии повисло молчание. Считали буквы, наверное.

Жаботинский вместе с креслом подъехал к окну и посмотрел, как оно там.

Там было ТРА.

– А то ракетой его сбить? – задумался Жаботинский вслух.

– Ну зачем же так радикально... – сказал Иван Иванович слабым голосом. – Простите, Александр Самуилович, а не могли бы вы завтра к нам зайти? Допустим, часиков в одиннадцать? Я закажу пропуск. Обсудим эту ситуацию, да?

– Да легко! – сказал Жаботинский.

Он сидел и глядел на бутылку, когда зазвонил внутренний.

– Извините, тут к вам посетители, – сказала охрана. – Мы, в общем, не должны бы... Как сами решите.

– Что, они плохо выглядят? – спросил Жаботинский.

Охранник заговорил глухо – прикрыл микрофон ладонью:

– Они в дымину. Но очень веселые. С корзиной шампанского и... Девушками. У вас праздник, что ли? Поздравляем.

– Ага, праздник... – буркнул Жаботинский.

– А дайте-ка мне трубочку... – донеслось издали.

– Прошу.

– Александр Самуилович! Здравствуйте! Спускайтесь к нам скорее и побежали! У нас очень мало времени, буквально за час надо успеть подготовиться! Мы тут нашли поблизости ресторан с выходом на крышу и уже обо всем договорились. Очень вас ждем! Умоляю! И все ребята просят! Ребята!..

– А-лек-сан-дрррр! – проскандировал хор в добрый десяток глоток, включая женские.

– Простите... – осторожно сказал Жаботинский. – А вы кто?

– То есть как?.. – опешил собеседник. – Виноват, не представился. Генеральный директор страховой компании «Бастион» к вашим услугам! Мы считаем, это исторический момент, и будем счастливы встретить его с вами вместе!

Жаботинский сделал пару глубоких вдохов.

– Второго такого раза не будет, Александр, если вы понимаете, о чем я. Ну реально же исторический момент. Идемте с нами, ребята очень просят.

– Минуту, – сказал Жаботинский. – Минуту, друзья...

Он встал, заткнул пробкой непечатую бутылку, а потом вдруг неожиданно для себя самого откупорил ее и крепко приложился к горлышку. Отдышался. Улыбнулся.

– Иду, ребята, – сказал он. – Бегу. Сейчас.

И быстрым шагом пошел к лифтам.

Действительно стоило поспешить. Верно говорят ребята: всего час остался, чтобы как следует подготовиться.

Сергей Волков Черный лебедь

*Вот уже много дней и ночей
Мы летим, постигая вечность.
Звезды в линиях чертежей,
Уходящие в бесконечность...*

В. Лазарев

Виток первый

«Союз-111» вывалился на орбиту Марса в расчетной точке. Компьютер провел диагностику систем, мягкий женский голос сообщил мне, что все в норме. И вот тут мне стало страшно. Ладони вспотели, в ушах застучало. Я пробежал взглядом по бегущим на дисплее строчкам, чувствуя, как немеют ноги. Их словно сковало льдом, а в ушах все стояли «Наташины» слова:

– ...прогноз работоспособности систем благоприятный. Подтвердите готовность выполнения полетной программы.

«Наташа» – традиционное имя речевого индикатора бортового компьютера. В фантастических книгах, где действуют крутые парни и мудрые киборги, искусственный интеллект всегда носит многозначительное имя. Нам, российским летунам, многозначительность ни к чему. Нам нужны простота и ясность. Поэтому наши бортовики зовут «Наташами». Сейчас моя «Наташа» просит подтвердить готовность выполнения полетной программы. А я обливаюсь потом и тупо тарашу глаза на бурую стену Марса, косо падающую на корабль...

– Внимание! – Мне показалось или в голосе «Наташи» проявились тревожные нотки? – Зафиксировано падение мощности в генераторах абсолютного поля. Процесс накопления энергии приостановлен. Вероятность аварийной ситуации при активации генераторов – девяносто два процента. В остальном ситуация штатная. Корабль вышел на расчетную орбиту. Повторяю! Зафиксировано падение...

Я машинально вытер о себя защищенные перчатками скафандра руки и шумно выдохнул. Вот оно! Вот так Марс встречает незваных гостей. Все правильно. Теперь все правильно. Сохатый – гений. Жаль, я не могу отправить ему такое послание: «Виктор Николаевич, вы – гений».

Не могу, потому что с теми, кто навсегда покинул этот мир, связи все еще нет.

Виток второй

Мы познакомились два года назад. Он пришел ко мне без звонка – милая привычка людей, выросших в домобильную эру. Когда консьержка снизу спросила, знаю ли я Виктора Николаевича Лосева, я решил, что это просто кто-то ошибся квартирой, буркнул: «Нет!» и повесил трубку. Но спустя минуту она снова связалась со мной и раздраженно выкрикнула: «Академика Лосева знаете? Ну?»

Академика Лосева я знал. Точнее, я знал о нем. Поэтому, натянув джинсы, я помчался вниз, на ходу припоминая все возможные варианты извинений.

Потом мы сидели у меня на кухне. Сохатый был стар, фантастически стар. От него пахло аптекой. Седина стала желтой, кожу покрывали коричневые пятна. Я ужаснулся – передо мной был фактически живой мертвец. И только глаза, внимательные и чистые, как у ребенка, успокоили меня. Там жила капризная мудрость человека, разменявшего десятый десяток.

После того вечера я всегда называл его именно так – Сохатый. Про себя, разумеется. Никто бы не понял такой фамильярности по отношению к патриарху отечественной космонавтики.

Войдя, он достал из портфеля антикварную картонную папку, бутылку старого армянского коньяка, лимон и, по-стариковски растягивая гласные, спросил, как будто мы расстались вчера:

– Выспа-ался?

Я растерянно кивнул.

– Ну и сла-авно. Значит, ночью можно будет порабо-отать. А я вот, предста-авь, вообще не сплю. Говорят, это перед смертью быва-ает. У меня пять лет назад началось. Все ждал – вот-вот по-омру. Год ждал, два, три... Надоело! Решил на-апоследок тряхнуть ста-ариной.

В его исполнении последняя фраза теряла всякий иносказательный смысл. Я поставил на стол стаканы, сунулся было к холодильнику, но он остановил меня властным жестом скрюченной подагрой руки.

– Ся-ядь! На Марс хо-очешь?

Я поперхнулся и закашлялся... Если бы за мгновение до его вопроса мы уже приступили к коньяку, дело могло бы кончиться конфузом просто космических масштабов. Но все обошлось. Он участливо похлопал меня по спине, а потом начал говорить...

О, он умел говорить! Патриарх, титан, начинавший еще с легендарным Бабакиным, когда под плакатом «Автоматы могут все!» отчаянные парни с логарифмическими линейками наперевес создавали межпланетные станции, первыми побывавшие на Луне, Марсе, Венере.

Занесенный в золотой фонд советской науки в тридцать пять лет, Сохатый пережил все ее взлеты и падения, всех ее создателей и губителей. Он пережил даже собственную персональную пенсию – перечислял ее в детский фонд.

До сих пор не знаю, как ему удалось уломать скрягу Курганова. Глава «Росавиакосмоса» очень не любил рисковать людьми, аппаратами, а более всего – деньгами. Но Сохатый, которому Курганов годился во внуки, пробил марсианский проект, пусть и при явно скудном финансировании.

– А нам мно-ого и не надо, верно, Са-аша? – монументально улыбался он, заочно записав меня в единомышленники. – Нам долететь, повертеться, виточков во-осемь, отметитья – и домой. Ты в Бо-ога веришь?

Заданный безо всякого перехода вопрос поверг меня в тихую панику. Старческий маразм – штука хитрая. И горькая. Вот сидит передо мной замшелый дважды Герой и семидесятилетия лауреат, пьет коньяк и несет чепуху.

Можно было вежливо попытаться свернуть разговор. Можно было сослаться на занятость и неотложные дела. В конце концов, можно было просто сказать: «Нет!»

Единственное, что смущало и удерживало меня, – это то, что Сохатый пришел именно ко мне и сидел сейчас перед дублером третьего уровня коммерческих полетов. Космонавтом, который ни разу не был не то что на орбите – даже в «зале ожидания». И который уже три месяца как втихаря подыскивает работу, чтобы уволиться из славных рядов «покорителей космоса»...

Виток третий

– Внимание! – в голосе «Наташи» явно зазвучали заботливые материнские интонации. – В ходе отладки программного обеспечения обнаружено выпадение кластеров на диске F. Программа контроля за энергетической системой корабля готова произвести перезагрузку и перейти на резервный диск L. В ходе перезагрузки возможны неполадки с энергопотребляющими приборами в системах ориентирования и связи. Подтвердите согласие на перезагрузку. Повторяю: в ходе отладки программного обеспечения...

Вот и «живая вода». Славно, славно... и, главное, – вовремя!

– Добро, Наташка, добро, – вслух сказал я и шлепнул пальцами по сенсору «ввод».

Все идет, как должно. Сохатый – гений. Теперь я готов высечь эту фразу на морщинистой физиономии старика Марса. Он заслоняет собой половину экрана. Жаль, у меня нет стокилометрового зубила и молота размером с Фобос.

Я смотрю Марсу в глаза. Я хочу увидеть там ответы на вопросы, которые не задавал. Впрочем, в сущности, все уже позади. Гудящая тишина баюкает меня, но спать нельзя – скоро сеанс связи с Землей.

Виток четвертый

ЦУП, судя по тону их сообщения, пребывает в легкой панике и, естественно, просит не паниковать меня. Так и хочется сказать им: «Расслабьтесь, ребята. Все в норме. Все так и должно было быть. К звездам идут через тернии – чтобы вернуться. Без терний возвращения не бывает».

Надо же – к звездам! Я улыбаюсь. До звезд мне, нам, человечеству – как... как до звезд. Мы пока делаем маленькие шажки. Мы только учимся ходить. И главное сейчас не то, сколько мы пройдем за первый раз, а то, разобьем мы себе лоб или нет.

Я рассматриваю Марс. Он совсем не такой, каким представлялся мне на Земле. Автоматы давно ответили на большинство вопросов. Может быть, в будущем тут и будут найдены вирусы, бактерии или даже лишайники, но такой жизни, какой бы нам хотелось, – на Марсе нет. Есть камень, песок, пыль, тлен, прах. Временами мне кажется, что я отсюда, с орбиты, чувствую запах. Так пахнет вечность, а вечность несовместима с жизнью.

Сохатый умер за три дня до старта, во сне. Очень старые люди уходят тихо, без мучений. Никто никогда не узнает, что ему снилось, но Курганов, позвонивший мне в гостиницу, сказал, что Виктор Николаевич улыбался.

Когда гроб с телом академика под автоматный салют опускали в могилу на Ваганьковском кладбище, меня усаживали в кресло нашего «Союза-111». На таком названии для корабля настоял Сохатый. «В память о Володьке. Мы дружили. Странное совпадение – ты Комаров, и он был Комаров», – сказал он мне, когда проект утвердили и мы приступили к подготовке. Мне в какой-то момент стало жутко, но Сохатый был неумолим: «Нам бы еще полететь тринадцатого. Но это вряд ли, окошко закроется...»

«Союз-111» стартовал четвертого апреля. Синоптики давали путный прогноз только до шестого, и ЦУП решил не рисковать. На орбите я пристыковался к МКС-2, и вместе с дежурной сменой мы три дня навешивали на генераторный блок семнадцатиметровую «баранку» «дырокола». Потом было пятидневное ковыляние на малой тяге в точку перехода, напутствие президента, улыбки ЦУПовцев на мониторе и мои крепко зажмуренные глаза...

Виток пятый

– Работа энергонакопителей идет в штатном режиме, – информирует меня «Наташа». Теперь я отчетливо слышу в ее словах усталую улыбку хорошо потрудившегося человека. Смешно – все летуны втайне уверены, что их «Наташа» не такая, как у других, и у нее действительно существуют интонации, полутона и, чем черт не шутит, разум.

Мой приятель, хороший парень Колька Шаповалов, считал, что голос «Наташи» – это глас вселенского разума. Колька разбился во время испытательного полета на стратоплане под реестровым номером 777. Колька верил в удачу...

А Сохатый верил в себя и еще во что-то, чему нет названия. Возможно, в молодости он верил и в науку, но когда тебе девяносто шесть, наука становится всего лишь инструментом, штангенциркулем для измерения неизмеримого.

Я же... Я, наверное, не верю вообще ни во что. Поэтому вопрос про Бога, заданный Сохатым тогда, на кухне, показался мне простым и даже бессмысленным.

– Ну и дурак! – усмехнулся Сохатый, выслушав мое поспешное: «Нет, не верю». – Космо-онавт обязан верить в Бо-ога. Иначе он его не узнает, ко-огда встретит...

Виток шестой

Мы и вправду просидели всю ночь, до рассвета. Сохатый раскладывал на столешнице пожелтевшие листки из своей древней папки и, по-стариковски щурясь, зачитывал наиболее интересные, по его мнению, места. Временами мне казалось, что я уснул и вижу сон. Назвать выкладки седого академика бредом мне мешала вежливость. Но назвать их как-то иначе не давал здравый смысл.

Неожиданно Сохатый прервался и уставился на меня своими небесными глазами, точно хотел разглядеть что-то очень маленькое и незаметное.

– Ты во-от думаешь – вы-ыжил дед из ума, да? – прохрипел он и коротко хехекнул. – Нет, Са-аша, тут то-оньше. Но в одном ты прав: годы – мо-оя беда. Ты мне нужен. Не обижайся, но, кро-оме тебя, никто не согласится. Ты – неуда-ачник, Са-аша. Это гла-вное.

Потом, впоследствии, он часто повторял это: «Не обижайся». Наверное, в душе ему было неловко. Наверное, он переживал. Но надо отдать должное его характеру – со мной Сохатый был честен и откровенен. Он мог использовать меня втемную, мог! Но с самого начала, с той самой кухонно-коньячной ночи, я был посвящен во все его планы.

Обижался ли я?

Да. Обижался, и сильно.

Черт возьми, когда тебе прямо говорят, что ты идеальная подопытная мартышка для проверки бредовой теории, построенной на сплошной мистике и эмпирике, трудно не обидеться. Но я загонял свою обиду вглубь, в самые недра, в бездны, в пропасти, в ад, в ледяное озеро Коцит, потому что всякий раз говорил себе: «Это твой волшебный, последний и единственный шанс, Санек. Другого уже не будет. Никогда».

Знаю – Сохатый это понимал, мало того, я для него тоже был последним и единственным шансом.

Он нашел меня на «развалах» отдела кадров, нашел, точно следуя своей теории. Занятно. У него было три десятка параметров, по которым он подыскивал «идеального» пилота, который НЕ МОГ НЕ ВЕРНУТЬСЯ.

И я подошел по каждому из них.

Ближайшая ко мне кандидатура отставала от меня на восемь позиций. По числу витков, которые мне следовало намотать вокруг Марса.

Потом, когда проект, что называется, «пошел», я много думал о превратностях судьбы. Однажды даже спросил Сохатого:

– Виктор Николаевич, а если бы меня не существовало? Или если бы в картотеке вам не попало мое дело?

– Тогда я бы еще покопал с го-одок – и на Ва-аганьково, – спокойно прохрипел он в ответ и снова вытаращился в монитор, по неистребимой привычке напевая себе под нос песню из другой эпохи и другого мира:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.